

Р. А. Киреева
ЗА ХУДОЖНИКОМ СКРЫВАЕТСЯ МЫСЛИТЕЛЬ:
ВАСИЛИЙ ОСИПОВИЧ КЛЮЧЕВСКИЙ

Василий Осипович Ключевский занимает исключительное место в истории русской науки и культуры. Для многих он стал символом и гордостью России. Его научные труды вызывали ассоциации с лучшим творчеством человечества — Тацита, Шекспира, Гюго; но чаще его сравнивали с русскими писателями и мыслителями — с Пушкиным, Гоголем, Крыловым, Л. Н. Толстым, со своеобразным философом Н. Ф. Федоровым, а также с историческими полотнами Репина и Серова, с музыкой Рахманинова и Бетховена. Когда хотели сказать о чем-то прекрасном на Руси, то для убедительности говорили: «Это равняется лучшей странице Ключевского» (В. В. Розанов). Его называли добрым гением, домашним духом, покровителем русской культуры, с которым не страшны никакие бедствия, никакие испытания (О. Э. Мандельштам).

И со стороны отца, и со стороны матери великий историк происходил из духовного сословия. Согласно метрической записи В. О. Ключевский родился 16 января 1841 года в селе Воскресенском Пензенского уезда и губернии (существует версия о его рождении в городе Пензе). Первые четыре года его жизни прошли в Воскресенском — здесь он сделал свои первые шаги по земле, сказал первые слова, услышал русские народные сказки, которые рассказывала ему бабушка. Эти сказки двухлетний малыш всегда слушал чрезвычайно внимательно и всякий раз поправлял рассказчицу, если та по-иному что-либо сказала: «это не так», «этого не говорили». Видимо, бабушка первой и заметила одаренность внука. Ласково глядя его по головке, приговаривала: «Бакалаврушка ты мой!».

Детские годы Ключевского и дальше проходили в деревенской глуши Пензенской губернии по месту службы отца — бедного

сельского священника и законоучителя: один год (1845) в уездном городке Городище, около пяти лет в селе Можаровке (1846–1851). Мальчик жил среди русской природы близко к быту сельского населения. Впечатления детства врезались в его память на всю жизнь. Сочувствие и понимание крестьянской жизни, интерес к исторической судьбе народа, социальная среда, в которой он вырастал, воспринятое им народное творчество — все это много дало будущему историку. Философ Г. П. Федотов высказал мысль, что «Ключевский, по условиям своего рождения и воспитания, был как бы предназначен к тому, чтобы увидеть историю России в классовом разрезе»¹.

Первым учителем Василия Осиповича был отец, который научил его правильно и быстро читать, «писать порядочно» и начал учить сына петь по нотам. Среди первых прочитанных книг, помимо обязательных часослова и псалтыри, были уже Четьи-Минеи и книги светского содержания: две изданные Н. И. Новиковым поэмы («Иосиф» Битобэ и «Потерянный рай» Мильтона) и альманах Н. М. Карамзина «Аглая». Внезапная трагическая гибель отца 28 августа 1850 года оборвала детство Василия Осиповича... Его мать с двумя оставшимися живыми детьми (остальные четверо умерли во младенчестве) перебралась в сентябре 1851 году в Пензу. Из сострадания к неимущей вдове священник С. В. Филаретов (друг мужа) отдал ей для проживания маленький домик. Семья ютилась в задней, худшей части дома; переднюю сдавали внаем за три рубля в месяц. В этом доме прошли самые трудные в материальном отношении 10 лет жизни В. О. Ключевского. «Был ли кто беднее нас с тобой в то время, когда остались мы сиротами на руках матери?» — писал позднее Ключевский сестре. (Изведав почти полную нищету, Ключевский впредь всегда старался оказывать помощь другим: помогал сестре воспитывать семерых ее детей, а детей умершей сводной сестры взял в свой дом. Помогал он и нуждающимся студентам.)

В Пензе Ключевский последовательно учился в приходском духовном училище (1851/52), в духовном уездном училище (1852–1856), в Духовной семинарии (1856–1860). Рано, чуть ли не со второго класса семинарии, он вынужден был давать частные уроки, да и в дальнейшем продолжал заниматься репетиторством, зарабатывая на кусок хлеба и накапливая педагогический опыт. С детства проявившаяся любовь к истории вообще и к русской в особенности окрепла в ученические годы. На школьной скамье Ключевский

---

¹ Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 337.

знал уже труды Татищева, Карамзина, Грановского, Кудрявцева, Кавелина, Соловьева, Костомарова; следил за журналами «Русский вестник», «Отечественные записки», «Современник». Чтобы иметь возможность поступить в университет (а начальство прочило его в Казанскую духовную академию), Ключевский намеренно бросил на последнем курсе семинарию. Год юноша самостоятельно готовился к поступлению в университет и готовил к экзаменам двух сыновей пензенского фабриканта Маршева. Летом 1861 года Ключевский уехал из родного города, куда ему не суждено было вернуться.

Проделанный до Москвы путь был непростым: от Пензы до Владимира он добирался целую неделю в открытой телеге, а оттуда первый раз в жизни проехал по железной дороге. Поезд произвел на него неизгладимое впечатление: «чудо-юдо морское, да и только», «машина спокойно тащит за собой целую деревню вагонов» и «понеслась так, что трудно было рассмотреть мелькавшие мимо предметы. И при этой быстроте (до 30 верст в час) не тряхнет: колеса катятся по рельсам ровно, без толчков, просто от восторга мороз пробегает по телу»². А много лет спустя в своих лекциях Ключевский сравнил локомотив с телегой, объясняя жизнь русского общества XVIII века, которая стала гораздо сложнее, чем была прежде, и производила впечатление каприза, неожиданности и непоследовательности, так как не все ее «пружины» с их тонкими связями заметны при первом взгляде. Наивный зритель, говорил он, не догадывается, что в движении поезда с «целым уездным городом пассажиров» меньше чудес и произвола, чем в движении телеги, что поезд не может ни свернуть в сторону, ни перепрыгнуть через маленький промежуток между рельсами; «а телега благополучно сворачивает с дороги и переезжает через канавы, только с легеньким массажем»³.

Став студентом Московского университета, Ключевский с головой погрузился в занятия и вернулся к своим любимым книгам. «Попались мне в руки опять мои милые классики, мой Саллюстий, Гораций, Вергилий — это мои старые знакомые; с другими только что знакомлюсь, как с Геродотом, Гомером, Ксенофонтом. Славное знакомство. А моя История, моя хорошенькая История! Я опять не разлучаюсь с ней ни математикой, ни катехизисом». «Право, любо живется с таким обществом»⁴.

---

² Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968 (Далее — ПДА). С. 19.

³ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 350, 12, 13.

⁴ Ключевский В.О. ПДА. С. 31.

Ключевский слушал лекции Ф. И. Буслаева, С. В. Ешевского, Г. А. Иванова, П. М. Леонтьева, К. П. Победоносцева, Н. А. Сергиевского, С. М. Соловьева, Н. С. Тихонравова, П. Д. Юркевича и др. (Б. Н. Чичерина он слушал уже по окончании учебного курса). Помимо обширной обязательной программы Ключевский занимался по воскресеньям сравнительной филологией под руководством Ф. И. Буслаева на дому профессора. Он изучал тогда древнегерманский эпос по песням древней Эдды и древнерусскую народную поэзию. Ключевский собирался даже стать филологом⁵. В одном из писем его читаем: «Трудно резюмировать мои занятия. Черт знает, чем я не занимаюсь. И политическую экономию почитываю, и санскритский язык долблю, и по-английски кой что поучиваю, и чешский, и болгарский язык поворачиваю, — и черт знает, что еще»⁶. На талантливого студента обратил внимание знаток классической древности П. М. Леонтьев и предлагал ему остаться при кафедре римской словесности и древностей. На последних курсах Ключевский начал заниматься русской историей под руководством С. М. Соловьева. Он углубленно изучал источники: вместе с Буслаевым разбирал старые рукописи в Синодальной библиотеке, часами погружался в «безбрежное море архивного материала» в архиве Министерства юстиции, где ему отвели стол рядом с С. М. Соловьевым (Ключевский любил вспоминать об этой их совместной работе).

Внимательно присматривался Ключевский и к окружающей повседневной жизни, чтобы понять ее связь с прошедшим, постоянно что-то «почитывал» да «подумывал». Он писал о себе, что не любит отдыхать с намерением отдохнуть, как и работать с намерением работать, да и плохо различает эти понятия, иногда считая бездействием то, что другие называют важным занятием, и наоборот. Находясь в качестве репетитора в поместье кн. Волконского (одного

---

⁵ Сохранилось немало рукописей Ключевского студенческой поры. Среди них рефераты «Сравнительный очерк народно-религиозных воззрений», «Сочинение Дюрана епископа Меранского о католическом богослужении», заметки о языке былин, о языке «Слова о полку Игореве», «Об эпических сказаниях Новгорода», о бытине «Садко» и других стихотворных произведениях. В этих работах ярко отразился интерес к народу и народному быту, усиленный контактами с Буслаевым, и пристальное внимание к проблеме влияния природы на человека, которая, по словам студента Ключевского, постоянно, неотразимо и могущественно действует на всю его жизнь и на выработку его религиозных представлений (с чем Буслаев не вполне был согласен). Впоследствии, как известно, в исторической схеме Ключевского географический фактор приобрел первостепенное значение.

⁶ Ключевский В. О. ПДА. С. 101.

из первых председателей рязанской губернской земской управы), в часы отдыха Ключевский встречался с мировыми посредниками и «слушал о крестьянских делах». В воскресные дни хаживал он в Кремль и водил с собою студентов-юристов, интересовавшихся расколом, «потолкаться между народом перед соборами» и послушать свободные прения раскольников с православными. «Указания Ключевского и беседы с ним были для нас желанны, и поучительны. Я не раз вспоминал их в позднейшие годы <...> в моей судебной, преподавательской и законодательной деятельности», — вспоминал известный адвокат А. Ф. Кони. Он же оставил ценные свидетельства о Ключевском-студенте, с которым впервые встретился осенью 1863 года на одном из студенческих вечеров, где велись беседы до глубокой ночи. Скромная фигура Ключевского, его тихий голос и сдержанная молчаливость, писал он, вначале невольно возбуждали вопрос «да что же такого особенного в этом Ключевском? Почему сотоварищи, — склонные вообще к критическому отношению и зоркие на недостатки, добродушно осмеиваемые, — относятся к нему с таким почтением, как бы по молчаливому соглашению признавая его авторитетом в своей среде?» Все становилось ясно, как только Ключевский вступал в беседу, особенно если речь шла об истории или искусстве. «Его речь на чудесном русском языке, тайной которого он владел в совершенстве, лилась неторопливо; по временам он останавливался и на минуту задумывался и затем снова пленял и удивлял выпуклостью образов, остротой и глубоким содержанием эпитетов и богатством сведений, приводимых в новом и подчас неожиданном освещении, за которым чувствовалась упорная работа самостоятельной мысли. Уже тогда в том, что он говорил, намечались — его взгляд на историю как на социальный процесс по преимуществу, и его любовь к изучению исторических явлений и периодов со стороны проявления в них природы страны, человеческой личности и людского общества»⁷.

Жил в студенческие годы Ключевский более чем скромно — скитался по отдельным углам или ютился где-то под крышей, дня по три бывал без чая и без обеда. После напряженных университетских и самостоятельных занятий он шел, зачастую пешком, на уроки, которые находились в самых различных концах города. Например, он обучал в Сокольниках сына лесничего и сверх того читал лесничихе бульварные романы, за что получал 15 рублей в месяц и стакан чая с куском хлеба.

---

⁷ Кони А. Ф. Воспоминания о В. О. Ключевском // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания, М., 1912. С. 146, 147.

В университете Ключевский особенно старательно посещал лекции и читал труды корифеев историко-юридической (или как она стала называться «государственной») школы, которая по праву занимала тогда ведущее положение в исторической науке. С щедрой признательностью и благодарностью не раз говорил и писал о том Ключевский. Историки-государственники исходили из идеи государства как наивысшего выражения «народного духа» во всемирной истории. Поэтому главным их научным интересом была история государства — его происхождение, развитие и национальные особенности. Их доминирующими источниками были акты государственной власти, официальные памятники законодательства, дипломатические документы. Народ назывался ими «жидкой» массой, пассивным сырым материалом, «калужским тестом», из которого правительство пекло все, что ему было угодно. По образному замечанию Б. И. Сыромятникова, здание русского общества строились ими из века в век вопреки всем правилам архитектуры «сверху вниз». Если это так, то для Ключевского характерен был взгляд «снизу вверх» — для него наибольший интерес представляли общественные группы и классы, повседневная жизнь народа, внутренние процессы, которые приводят в движение исторические силы — то есть социально-экономические проблемы.

И роль государства в истории Ключевский оценивал иначе. Он признавал историческую неизбежность возникновения государства, но не считал это прогрессом⁸. Такой ракурс исследований

---

⁸ Очень интересны и выразительны размышления Ключевского о роли государства, записанные им в дневнике 1 августа 1871 г. — тогда он готовился к чтению первого своего курса по русской истории в Московской духовной академии: «...Появление государства вовсе не было прогрессом ни в общественном, ни в нравственном смысле. Я не понимаю, почему лицо, отказавшееся от самостоятельности, выше того, которое продолжает ею пользоваться, — почему первое совершеннее, развитие второго в общественном отношении. Говорят, прогресс в том, что приняты меры против злоупотребления личной свободой и эти меры основаны на идее общего блага, идее, лежавшей в основе государства и неведомой в прежней личной отдельности людей. Но опять непонятно, почему солдат, не умеющий пользоваться оружием и бросивший его, стал оттого более вооруженный. Притом теперь можно довольно самоуверенно утверждать, что государство вовсе не было выходом из состояния войны всех против всех. И до государства существовали общественные союзы, кровные, религиозные, которые ограничивали личную свободу во имя лучших побуждений, чем государство. Последнее заменило добровольное и естественное подчинение первых условным и принудительным. В смысле нравственном появление государства было полным падением. Существование государства возможно только при известных нравственных понятиях

отчетливо проявился уже в самых первых работах историка. Беря у «государственной школы» темы — роль географической среды, проблема колонизации, интерес к истории учреждений и др., — Ключевский ставил и освещал их по-иному, что будет в ряде случаев отмечаться ниже.

Для выпускного сочинения Ключевский избрал тему, связанную с историей Московской Руси XV–XVII веков, базируясь на большом круге слабо изученных тогда источников — на записках иностранцев. В работе им было использовано около 40 сказаний, многие из которых в то время не были изданы и не были переведены на русский язык. Ключевский сам по подлинникам переводил их. Трудно поверить, что работа была написана всего за один учебный год, в течение которого автор продолжал посещать лекции и сдавал экзамены. Уже тогда проявил он удивительную работоспособность. Ключевский трудился по три четверти суток, хотя (по доверительному признанию любимой девушке) его порой тянуло «взглянуть на дальние поля, узнать прекрасна ли земля». Не случайно позднее появилось его изречение: «Кто не способен работать по 16 часов в сутки, тот не имел права родиться и должен быть устранен из жизни, как узурпатор бытия». Ключевский был в высшей степени организованным человеком — и в этом тоже проявился его талант. Забегая несколько вперед, можно утверждать, что один из «секретов» историка заключался в том, что он любил и умел работать. Как именно протекал его повседневный труд — лучше всего говорят его многочисленные записи с распорядками дня. Планы содержат

и обязанностях, признаваемых его членами. Эти обязанности и понятия очень резко отличаются от правил обыкновенной людской нравственности. Ничего не стоит заметить, что эта последняя гораздо нравственнее политической морали. Уже то, что политическая нравственность бесконечно разнообразится по времени и месту, ставил ее ниже частной, которая устояла почти в одинаковом виде от первого грешника до последнего, от Адама до Наполеона III или Бисмарка. Между тем несомненно, что государство являлось плодом очень насущных потребностей общества. Остается точнее обобщить характер и происхождение этих потребностей. Вывод, впрочем, ясен сам по себе: потребности эти создавались различными неправильностями и затруднениями, развивавшимися между людьми. Но едва ли здесь можно усмотреть какой-нибудь прогресс. Если человек ломает себе ногу, едва ли костыль его воротит ему прежнюю быстроту движения; если же этот костыль ослабит деятельность и здоровой ноги, то здесь едва ли что можно видеть, кроме печального падения. Известно, что безнравственная политическая мораль иногда искажала понятия естественной человеческой нравственности. Все можно и должно объяснить; но оправдывать и считать прогрессом — едва ли...» — *Ключевский В.О.* ПДА, 246–247.

точные указания на то, что в тот или иной день следует прочесть, что написать, где побывать и т. д. Делались и пометы о выполнении планируемого — Ключевский контролировал себя жестко. Такая четкая научная организация труда помогала ему последовательно и систематично осваивать массу источников, громадный историографический материал, пропускать все это через себя, создавать свои вдохновенные работы и преподавать в пяти высших учебных заведениях.

И до Ключевского историки черпали из записок иностранцев некоторые фактические данные и характеристики; были статьи и об отдельных иностранцах, оставивших свидетельства о Руси. Но никто до Ключевского не изучал эти памятники совокупно. Подход молодого историка был принципиально иным. Он собрал воедино и тематически систематизировал содержащиеся в сказаниях конкретные сведения, критически переработал и обобщил их, создал цельную картину жизни русского государства в течение трех столетий.

Во Введении, где мотивировался выбор темы и обосновывались хронологические рамки работы, Ключевский привел список своих источников, обобщенно проанализировал их, дав характеристику авторам сказаний, выявил устные и письменные источники, из которых те черпали свои сведения, обратил внимание на особенности записок в зависимости от времени их написания, а также от целей и задач, стоящих перед писавшими. Говорил он и о различных причинах приезда в Россию того или иного иноземца: случайно попавшие в Москву путешественники; приехавшие с задачами католической пропаганды (главным образом итальянцы); в поисках торговых путей и связей (главным образом англичане). Особо выделил Ключевский иностранцев, прибывших в период Смутного времени: кто приехал с целью шпионажа, а кто желал вступить на службу в войска московского государя. Самая же значительная часть иностранцев приезжала в составе посольства из разных государств Европы (преимущественно из Австрии). В целом Ключевский подчеркивал важность записок иностранцев для изучения повседневной жизни Московского государства, хотя там и можно встретить немало курьезов и неточностей. Отсюда требование критического подхода к свидетельствам иностранных авторов. Его анализ источников был так основателен, что в последующей литературе «Сказания иностранцев о Московском государстве» нередко называли источниковедческой работой. Но это — исторический труд по истории Московской Руси, написанный на обильных «свежих» источниках.

В ходе работы Ключевский пришел к выводу, что известия иностранцев о домашней жизни москвитян, о нравственном состоянии общества и тому подобные вопросы внутреннего быта не могли быть достаточно достоверными и полными в устах иноземцев, так как эта сторона жизни «менее открыта для постороннего глаза», к ней «менее приложима чужая мерка». Внешние же явления, наружный порядок общественной жизни, ее материальную сторону посторонний наблюдатель мог описать с наибольшей полнотой и верностью. Поэтому Ключевский решил ограничиться только наиболее достоверными сведениями о государственной и экономической жизни страны и данными о географической среде. Эта сторона русской жизни очень интересовала автора, тем не менее им был собран и обработан материал по значительно большему числу вопросов, о чем красноречиво свидетельствуют рукописи ученого⁹.

Книга написана со «строгой разборчивостью в материале» и вместе с тем ярко, образно, с оттенком веселой иронии. Читатель как бы сам вместе с «наблюдательным европейцем» едет по небезопасным дорогам через обширные густые леса, степные пустынные пространства, попадает в различные перипетии. Ключевский мастерски передает прелесть живых конкретных свидетельств подлинника, сохраняя свежесть впечатлений иностранца и пересыпая собственное изложение красочными деталями и выразительными штрихами облика царя и его приближенных, церемоний приема послов, пиров, застольных речей, нравов царского двора. Автор следит за укреплением централизованного государства и самодержавия как формы правления, постепенным усложнением аппарата государственного управления (боярская дума, возникновение приказной системы), за судопроизводством, за состоянием войска; сопоставляет московское управление с порядками других стран.

Подробности же дипломатических переговоров, борьбы придворных партий и связанные с ней внешнеполитические события мало интересовали Ключевского. Он сосредотачивал внимание

---

⁹ Например, за пределами работы остались материалы и немало написанных Ключевским очерков о Ливонской войне, о взаимоотношениях сословий, о русском быте и быте соседних с Москвой народов; о праздниках, об отношении к потомкам, о церковной службе в Кремле, сведения о болезнях и медицине, о музыкальных вкусах, о понятии красоты, об образовании и т. д. Однако тщательно собранный, но не включенный в книгу материал для Ключевского не пропал — он пользовался им и в «Курсе русской истории» и в ряде других работ, особенно при воссоздании исторических портретов и художественных характеристиках.

на внутренней жизни страны. Из записок иностранцев Ключевский выбирал сведения о «виде» страны и ее климате, о плодородии отдельных областей Московского государства, о главных посевных культурах (ржи, пшенице, овсе, ячмене, грече, просе), о скотоводстве, охоте, рыбном промысле, солеварении, огородничестве и садоводстве, о росте городов и народонаселении. Заканчивается работа рассмотрением истории торговли Московского государства XV–XVII веков и связанным с торговлей монетным обращением. Он говорил о центрах внутренней и внешней торговли, о торговых трактах и путях сообщения, о ввозимых и вывозимых товарах, о ценах на них. Живой исследовательский интерес к экономическим вопросам и к социальной истории (что было новым явлением в исторической науке того времени), внимание к географическим условиям как постоянному фактору русской истории, к движению народонаселения с целью освоения новых земель, к вопросу взаимоотношений России и Запада (стремление взглянуть на Россию как бы со стороны и понять, как в России воспринимали Запад) — все это свидетельствует о том, что в студенческом сочинении Ключевского отчетливо просматриваются основы его будущей концепции русского исторического процесса, углубленные им в последующих трудах. Можно даже сказать, что она в общих чертах сложилась уже тогда.

В июне 1865 года Ключевский получил аттестат на степень кандидата историко-филологических наук. Постановлением университетского совета было решено его работу опубликовать. И вот редчайший случай — выпускное студенческое сочинение было напечатано в течение одного 1866 года четыре раза: сначала по частям в «Московских университетских известиях» (№ 7–9); потом целиком во 2-м томе «Приложений» к ним и дважды отдельной книгой, выпущенной типографией университета и «Обществом распространения полезных книг». Первая книга Ключевского сразу получила научное признание специалистов и вызвала читательский интерес общедоступной и занимательной формой изложения. Ключевский вошел в науку как талантливый исследователь, знаток Московской Руси, тонкий источниковед и мастер слова. Но Ключевский больше никогда не давал согласие на переиздание книги (видимо, потому, что там он полностью не осуществил первоначальный замысел — ведь назвал же он эту книгу в частном письме другу своим «недопеченным печеньем»). «Сказания иностранцев...» были переизданы только по смерти историка.

Между тем в «Обществе распространения полезных книг» решили перевести на русский язык работу немецкого историка П. Кирхмана “*Geschichte der Arbeit und Cultur*” (в русском перево-

де «История общественного и частного быта» (М., 1867)), которая предназначалась для домашнего и школьного чтения. Кирхман базировался преимущественно на материалах Западной Европы. Ключевскому предложили дополнить книгу русским материалом, что он не без удовольствия выполнил. Издатели, объясняя причины внесенных дополнений, указали на «скудость русской литературы по культурной истории России»¹⁰.

Книга состоит из шести отделов: «Пища», «Жилище», «Одежда», «Утварь», «Оружие», «Обмен произведениями. Торговля и монетное дело», которые внутри подразделяются на ряд уточняющих подотделов. Ключевский органически ввел в каждый очерк свой текст, насыщенный фактическим материалом, почерпнутым им из русских источников (летописей, «Русской Правды», житий святых, данных археологии), а также из записок иностранцев. Всего Ключевским было написано 30 текстов, где он дал последовательную характеристику земледелия, обработку и печения хлеба, производства напитков (молоко, вино, мед, пиво и квас, водка, чай, кофе), овощей и садовых плодов, пряностей (соль, сахар, перец), посуды, строительного дела, текстильного производства, одежды, обуви, головным уборам, горного дела, добычи золота, металлообрабатывающей промышленности, производства оружия, торговли и монетного дела. Кроме того, остались не включенными в книгу два наброска «Игры» и «Школа». Эта работа Ключевского по истории русского быта представляет собой своеобразное продолжение и дополнение «Сказаний иностранцев...» по его интересу к вопросам развития экономической жизни России и по собиранию из источников сведений о жизни изо дня в день русского народа. Однако эта работа Ключевского не упомянута в списках его научных трудов и поэтому долгие годы оставалась неизвестной даже специалистам. Ее обнаружил и впервые упомянул о ней А. А. Зимин в 1961 году¹¹.

Сразу по окончании университета Ключевский начал интенсивно работать над магистерской диссертацией. Он решил посвятить ее истории монастырского землевладения, в центре которой должна была стоять проблема колонизации, впервые поставленная в науке

---

¹⁰ Кирхман П. История общественного и частного быта. Чтения в школе и дома. М., 1867. С. III.

¹¹ Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского // Исторические записки. Т. 69. 1961. С. 189.

Приятно сообщить, что в период подготовки к изданию данной книги вышла из печати долгое время остававшаяся неизвестной работа молодого В. О. Ключевского «История русского быта». М., 1995.

С. М. Соловьевым. Но в отличие от государственной школы, объясняющей колонизацию деятельностью государства, Ключевский понимал ее как процесс, обусловленный природными условиями страны и ростом народонаселения. То есть главным образом народ, а не государство, по Ключевскому, являлся двигателем колонизации.

Так же как для кандидатского сочинения, так и для магистерского Ключевский избрал однотипный комплекс источников: тогда это были сказания иностранцев, теперь — жития святых. И сама проблема колонизации и жития святых как источник притягивали в то время внимание многих историков. О важности изучения житий говорили Ф. И. Буслаев, С. М. Соловьев, А. П. Щапов, А. Ф. Бычков, С. В. Ешевский, К. Н. Бестужев-Рюмин. Исходя из того, что в Древней Руси религиозный элемент тесно сплетался со всеми явлениями жизни, как политическими, так и общественными и семейными, они думали найти в житиях то, что не находили в летописях. Предполагалось, что жития содержат в себе обширный материал по истории колонизации, землевладения, по истории русских нравов, обычаев, условий жизни, истории быта, частной жизни, образа мыслей и его воззрений на природу общества и т. п. Думал так и Ключевский, приступая к работе. Интерес к житиям усиливался и их неизученностью.

Для понимания первоначального замысла Ключевского важны неопубликованные материалы — в его архиве сохранилось свыше 500 листов конспектов и предварительных набросков (а написано было еще больше). Летом 1865 года им были написаны главным образом на данных литературы четыре наброска в форме лекций-бесед «О церковных земельных имуществах в древней Руси»¹²; потом очерки об отдельных памятниках русской агиографии, содержащие всестороннее и тщательное их исследование (автор перенес оттуда в диссертацию лишь основные выводы); первоначальный план¹³, выписки, заметки и другие черновики. Среди рукописей

¹² В первом из четырех набросков Ключевский касался характера и этапов монастырей в жизни древнерусского общества; во втором писал о монастырских иммунитетных привилегиях; в третьем — о «взаимоотношениях монастыря с окрестным населением»; в четвертом — о политике русского правительства в XVI в.

¹³ В предварительном плане диссертации им предусматривались шесть глав-очерков: в первом очерке предполагалось дать характеристику общих особенностей колонизации на Руси; во втором — рассмотреть географическое распространение крестьянской колонизации в Северо-Восточной Руси; в третьем — сказать об образовании «монастырских обществ»; в четвертой, пятой и шестой главах — проанализировать разностороннее влияние монастырей на колонизацию страны.

есть текст «Участие монастырей в колонизации Северо-Восточной Руси», который М. В. Нечкина назвала первой пробой диссертационного текста¹⁴. Эти материалы свидетельствуют, что Ключевский намеревался показать через жизнь простого русского человека как активного творческого начала в историческом процессе историю культурного освоения той большой территории Северо-Восточной Руси, которая и составила основу будущего Русского государства. Историко-литературному же обзору житий он предполагал отвести место только во введении.

Большое значение придавал Ключевский и нравственной стороне дела, о чем четко выразился в статье 1868 года: «Может быть, ничто лучше жития не дает нам почувствовать, что не одним топором, не одною сохой расчищено и взрыто это необъятное поле, и не одни пресловутые Иваны московские дали государству такую живучесть, но что их материальному созданию послужили и лучшие нравственные силы народа в образе Петра, Алексия, Сергия и многих других. Может быть, мы серьезнее смотрели бы на себя и свое будущее, если бы лучше знали и ценили эти нравственные силы, потрудившиеся для нас в прошедшем»¹⁵.

Ключевский приступил к изучению первоисточников, значительная часть которых была тогда не только не издана, но даже не описана и не приведена в какой-либо порядок. Образно о том писала М. В. Нечкина: «Объем первоисточников проще было бы исчислять в пудах, нежели в архивных единицах. Это были повсюду огромные нагромождения рукописных записей житий святых»¹⁶. Рукописи хранились в библиотеках разных городов (Москвы, Петербурга, Казани, Троицко-Сергиевой лавре) и в ряде частных коллекций (А. С. Уварова, Н. С. Тихонравова, Е. В. Барскова и др.). Ключевский проделал титанический труд по изучению текстов не менее пяти тысяч житийных списков. Наряду с работой над диссертацией он выпустил шесть работ по истории монастырского землевладения и колонизации. Среди них крупное, насыщенное конкретно-историческим содержанием исследование «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае» (где автор показал, как тема о монастырской хозяйственной жизни может быть разрешена на основе одновременного использования повествовательных

---

¹⁴ Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 128.

¹⁵ Ключевский В. О. Отзывы и ответы. Третий сборник статей. Пг., 1918. С. 10.

¹⁶ Нечкина М. В. Указ. соч. С. 133.

источников (житий) и актового материала, как эти два вида исторических источников взаимно дополняют и корректируют друг друга), «Псковские споры» (где рассмотрены некоторые вопросы идеологической жизни на Руси XV–XVI веков — работа писалась в момент усиливавшейся полемики между Православной Церковью и старообрядцами), «Великие Минеи Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием»; отзывы о работах Милютина, Горчакова, Иконникова. Однако несмотря на все затраченные усилия по изучению житий и их источников, Ключевский пришел к неожиданному выводу о литературном однообразии житий и о скудости содержащегося там конкретно-исторического материала. Авторы житий описывали жизнь святых с одних и тех же сторон, писал Ключевский, забывая «о подробностях обстановки, места и времени, без чего для историка не существует исторического факта. Часто кажется, что в рассказе жития таится меткое наблюдение, живая черта действительности; но при анализе остается одно общее место». Для Ключевского важна была жизнь реального человека, а он нашел в источнике «образы без лиц», общий тип Божьего угодника; вместо исторической обстановки, в которой тот жил и действовал, — литературный шаблон, общие места, созданные под влиянием восточной агиографии¹⁷. Ключевскому стало очевидно, что выявленного из источников материала не хватит для исполнения задуманного.

Многие советовали Ключевскому отказаться от темы, но он сумел повернуть ее в другое русло. Он стал подходить к житиям святых не с целью выявления содержащихся в них фактических данных, а сами жития превратил в объект изучения. Теперь Ключевский поставил перед собой чисто источниковедческие задачи: датировка списков, определение древнейшего списка, место его возникновения, возможные источники житий, количество и характер последующих редакций, определение точности отражения источником исторической действительности и выяснение степени его правдивости. Книга получила окончательное название: «Древнерусские жития святых как исторический источник». Ключевский раскрывал в ней внутренний (обычно скрытый от читателя) процесс работы ученого над источником. Это, конечно, было ценно для науки, но такой подход к теме не сразу нашел поддержку и понимание даже в близких автору кругах. Его друг А. А. Шахов постоянно убеждал Ключевского, что подобная работа недостойна его таланта,

¹⁷ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (Репринтное издание. М., 1988). С. 433, 430, 436.

что ему надо заниматься прагматической разработкой истории, а не тратить силы и время на черное рудокопное дело. Да и у самого Ключевского порой возникало чувство сожаления, что взялся он за такое скучное дело. Ключевский как-то признавался ученикам, что к концу работы у него появилось чувство человека, который нырнул в глубину, затаив дыхание, движется под водой и думает, хватит ли у него сил выдержать, и что, окончив книгу, он почувствовал себя воскресшим. Так Ключевский одержал победу над самим собой, самоотверженно исполнив научный долг.

Книга Ключевского была опубликована в 1871 году, магистерская защита которой состоялась 26 января 1872 года. Она привлекла внимание не только ученых, но и многочисленную публику. Как свидетельствовали очевидцы, соискатель блестяще защищался, демонстрируя талант полемиста.

Крайне смелые выводы Ключевского радикально расходились с господствующими тогда воззрениями на древнерусские жития и вызвали к работе неоднозначное отношение, особенно среди духовенства. Ключевский впоследствии рассказывал, как в Духовной академии один профессор восхищался удивительной сжатостью изложения, кованным стилем, назвал превосходной заключительную главу книги, где содержались главные выводы, а другой профессор реагировал иначе. Он, перелистывая перед автором его книгу и приговаривая: «Хорошо это; ах, как хорошо!», дойдя до последней главы переменил тон: «А вот эту главу я бы оторвал да бросил в печку!» «А между тем последняя-то глава и была особенно близка моему сердцу», — замечал Ключевский. В «Московских епархиальных ведомостях» появилось резкое выступление анонимного автора, который назвал книгу Ключевского раскольничьей. Ключевский тоже печатно незамедлительно ответил статьей «Аллилуйя и отец Пафнутий (письмо в редакцию)».

«Работа над древнерусскими житиями сделала художника-творца, каким был по натуре Василий Осипович, — писал позднее его ученик М. К. Любавский, — тонким критиком-аналитиком, гармонически сочетала в нем несовместимые, обыкновенно, свойства кропотливого, аккуратного и осторожного исследователя и широко-го творческого размаха писателя»¹⁸. Наука признала исследование

---

¹⁸ Любавский М. К. Василий Осипович Ключевский // Василий Осипович Ключевский. Биографический очерк, речи, произнесенные в торжественном заседании 12 ноября 1911 года, и материалы для его биографии. М., 1914 (Далее: В. О. Ключевский. Материалы...). С. 10.

Ключевского «Древнерусского жития святых как исторический источник» источниковедческим шедевром, непревзойденным образцом источниковедческого анализа повествовательных памятников.

Так как работа над диссертацией затянулась (вместо предполагаемых двух лет ушло шесть) и срок оставления Ключевского при кафедре истек, то перед ним остро встала необходимость искать постоянное место работы. По рекомендации С. М. Соловьева Ключевский в 1867 году занял место репетитора старших классов в Московском Александровском военном училище. Степень магистра давала официальное право преподавать в высших учебных заведениях. Теперь Ключевский в Александровском военном училище стал читать всеобщую историю (и читал ее там до 1883 г.).

В 1871 году Ключевского пригласили читать курс гражданской русской истории в Московской духовной академии, где он проработал до 1906 года. По признанию Ключевского, он любил преподавать в Духовной академии, так как чувствовал себя там наиболее свободно. Каждую неделю ему приходилось на два дня уезжать из Москвы в Троице-Сергиеву лавру. А ездить Ключевский предпочитал среди богомольцев, с которыми любил вести беседы, в самом дешевом третьем классе. Иногда после лекций он позволял себе кататься на каруселях с крестьянскими парнями.

Профессор В. И. Герье предложил читать курс русской истории на открывавшихся в 1872 году в Москве Высших женских курсах «симпатичному и талантливому» ученику С. М. Соловьева В. О. Ключевскому. В ответном письме от 15 июля Ключевский сообщал, что ничего не имеет против и рад стараться, только он ничего не знает о характере преподавания. «Может быть, Вы поведете преподавание так, что моих ученых ресурсов не хватит. Это, кажется, единственное, о чем я питаю сомнение некоторое, т. е. что может остановить меня перед дверьми “жаждущих просвещения красавиц”»¹⁹. «Ученых ресурсов», конечно же, хватило с лихвой, и Ключевский преподавал на Высших женских курсах (ВЖК) до их официального закрытия в 1888 году (при попытках возобновления ВЖК в 1891 и 1900 годах Ключевский принимал участие в их работе).

Итак, Ключевский начал свой профессорско-преподавательский путь, который принес ему заслуженную славу, с одновременного преподавания в трех столь разных по своему характеру и назначению высших учебных заведениях (позднее прибавились

¹⁹ Ключевский В. О. ПДА. С. 246, 247.

Московский университет и Училище живописи, ваяния и зодчества). Ключевский любил и понимал свою аудиторию. Читал ли он будущим офицерам, будущим священнослужителям, «жаждущим просвещения красавицам», студентам, художникам, широкой публике — везде его слушали в благоговейной тишине с «захватывающим вниманием и истинным наслаждением».

Первые лекции Ключевского по русской истории, прочитанные им на ВЖК с 1872/73 по 1874/75 учебный год, сохранились, и их удалось собрать по разным архивам. Эти продуманные, хорошо отделанные лекции с яркими характеристиками и с широким использованием фольклора охватывают историю России с древнейших времен до петровских реформ включительно. Они со всей убедительностью доказывают, что уже в те годы историческая концепция Ключевского сложилась (а ранее считалось, что это произошло в начале 1880-х гг.). «Читающая Россия слишком поздно познакомилась с новой блестящей конструкцией русской истории», — написал об этих лекциях в 1931 году историк и философ русского зарубежья Г. П. Федотов. Он узнал о существовании ранних лекций Ключевского из статьи А. А. Кизеветтера, в руки которого попала часть лекций 1873/74 учебного года с 17-й по 28-ю (всего в тот год было прочитано 47 лекций). «Не без удивления мы узнали, — продолжал Федотов, — что в самом начале 70-х годов курс Ключевского, как его знает наше поколение, уже сложился. Целые главы вошли без изменений в печатный текст. Работа последующих лет заключалась более всего в сокращениях и в художественной отделке. Не только историческое мировоззрение Ключевского, но и видение им русской истории было вполне законченным и цельным к началу семидесятых годов. Но это значит, что оно сложилось в шестидесятые»²⁰. Большую научную ценность представляют хранящиеся в архиве ученого «Вступительные беседы» к курсу и погодные программы лекций. Оказывается, что над методологическими вопросами Ключевский задумывался с первых же лекций. Во вступительных беседах он нередко касался таких вопросов, как предмет истории, ее польза, научное значение всеобщей и местной (то есть национальной) истории, упоминал о взглядах на историю предшественников, пояснял задачи, главное содержание и периодизацию собственного курса. Говорил Ключевский и о взаимосвязи современности и прошедшего, которое лежит раскрытой книгой, и «нехорошо не уметь читать в ней; еще хуже уметь читать, чего

---

²⁰ Федотов Г. П. Указ. соч. С. 330, 331.

в ней не написано». «Характер времени, в которое мы живем, впечатления, под которыми мы выросли, — читаем в одном из набросков, — не должны действовать на выводы исторического изучения; но нет беды, если они частью определяют его программу, подсказывают вопросы, не подсказывая их решения». Останавливался Ключевский во вступительных беседах и на ряде общих проблем. В одной из рукописей 1875 года содержится его почти сатирическая оценка XIX века. Идеалы XIX века он назвал ветхими и тощими, помыслы тривиальными, действия и лица мелкими и робкими. «В политической жизни он (XIX век. — Р.К.) создал принцип национальности, т. е. зоологической породы, — принцип, в котором нас давно опередили четвероногие сограждане нашей планеты, — потом всеобщую воинскую повинность, для которой не стоило предпринимать такой длинный путь цивилизации, потому что ее знали и до цивилизации. В социальной сфере он счастливо развил торговую компанию на акциях, в литературе — газету, в сфере искусства остановился на оффенбаховской Belle Hélène и казарме фабричных рабочих, а в мирозерцании на гартмановском буддийском пессимизме»²¹.

В последующих лекционных курсах историческая концепция Ключевского развивалась и совершенствовалась. Тому способствовала и одновременная работа над докторской диссертацией «Боярская дума древней Руси», где им подводились итоги предшествующих исследований и давалась целостная концепция русского исторического процесса. Печатно она впервые появилась на страницах журнала «Русская мысль» (1880–1881).

Выбор темы диссертационной работы в полной мере отразил научные интересы историка, социологический подход к которой наметился еще в первой его книге (см. гл. V «Управление и судопроизводство»). Боярскую думу Ключевский образно называл маховым колесом всего Московского государства и трактовал ее как конституционное учреждение «с обширным политическим влиянием, но без конституционной хартии, правительственным местом с обширным кругом дел, но без канцелярии, без архива». Это произошло в силу того, что Боярская дума — эта «правительственная пружина», все приводившая в движение, сама оставалась невидимой перед обществом, которым она управляла, так как ее деятельность закрывалась с двух сторон — государем сверху и дья-

²¹ Научный архив Института Российской истории РАН (Далее — НА ИРИ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 1.

ком «ее докладчиком и протоколистом» снизу. Отсюда проистекали трудности изучения истории думы, так как «исследователь лишен возможности восстановить на основании подлинных документов как политическое значение думы, так и порядок ее делопроизводства»²².

Ключевский стал по крупицам собирать необходимые данные из самых разных источников — в архивах, в частных коллекциях (в том числе и своей собственной), в опубликованных документах; изучал он также труды специалистов-историков. У учеников Ключевского сложилось впечатление, что их учителя совершенно не тяготила предварительная, черная, кропотливая и неблагодарная египетская предварительная работа над просмотром массы источников и «груды архивного сырья», на что затрачивалось много времени и сил, а в результате находились лишь крупинки. Правда, замечали они, Ключевский «добывал крупинки чистого золота», собранные гомеопатическими дозами и проанализированные под микроскопом. И все эти скрупулезные изыскания он сводил к определенным, отчетливым выводам, составляющим завоевание науки.

Исследование охватывает весь многовековой период существования боярской думы от Киевской Руси X века до начала XVIII-го, когда она прекратила свою деятельность в связи с созданием Петром I в 1711 году Правительственного Сената. Но не столько история боярской думы как государственного учреждения, ее компетенция и работа привлекали Ключевского. Гораздо большим был его интерес к составу Думы, к тем правящим классам общества, которые через Думу управляли Россией, к истории общества, к взаимоотношениям классов. В этом-то и заключалась новизна замысла ученого. В журнальном варианте работа имела важный уточняющий подзаголовок: «Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества». «В предлагаемом опыте, — писал автор в первом варианте введения, — Боярская дума рассматривается в связи с классами и интересами, господствовавшими в древнерусском обществе». Ключевский считал, что «в истории общественного класса различаются два главные момента, из которых один можно назвать экономическим, другой политическим»²³. Он писал о двояком происхождении классов, которые могут формироваться как на политическом, так и на экономическом основании: сверху — волей власти и снизу — экономическим процессом. Это положение Ключевский развивал во многих работах, в частности,

---

²² Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. Изд. 5. Птб., 1919. С. 3, 2.

²³ Там же. С. 5.

в специальных курсах по терминологии русской истории и по истории сословий в России.

Исследование Ключевского «Боярская дума древней Руси» структурно состоит из «Вступления», 26 глав и «Приложения». В названиях глав автор сформулировал свои основные выводы. К примеру, глава I: «В боярском совете киевского князя X в. еще сидели представители класса, правившего обществом раньше князя с его боярами»; глава II: «С XI в. правительственный совет при князе Киевской Руси является односословным, боярским», или глава VIII: «В Новгороде и Пскове XIII–XV вв. боярская дума при князе превратилась в исполнительный и распорядительный совет выборных городских старшин при вече», или глава XXIII: «С конца XVII в. дума становилась тесным советом, действовавшим без государя» и т. д. В работе освещалась история боярства и дворянства — проблема, к которой автор в дальнейшем неоднократно обращался, характеризуя с антидворянских позиций более поздний этап истории России — XVIII — нач. XIX века. Однако после убийства Александра II народовольцами 1 марта 1881 года, Ключевский провел большую редакционную работу и несколько завуалировал свои взгляды. Он также убрал подзаголовок работы и написал новое «Вступление» к книге. Вместе с тем суть своего исследования — проблему общественных классов и их экономических интересов — оставил неизменной.

Главным фактором экономического развития Киевской Руси X–XI веков Ключевский считал город как центр внешней торговли. В городах, утверждал он, складывался промышленный класс (военно-торговая аристократия). Наряду с ним появился служилый класс (княжеская дружина). Органами этих двух классов были вече и совет при князе. С XII века центр исторического развития переместился из Южной (Киевской) Руси в Русь Северо-Восточную (Владимиро-Суздальскую). Главную роль в экономике страны, по Ключевскому, начинает играть сельское хозяйство. Поэтому промышленный класс исчезает. Князья становятся сельскими хозяевами, вотчинниками. Система политического управления в княжествах Северо-Восточной Руси XIII–XV веков воспроизводит административное устройство боярских вотчин. Княжеская боярская дума делается «советом главных дворцовых приказчиков» «по особо важным делам» при князе. При московском князе образуется «довольно плотный класс — московское боярство»²⁴.

²⁴ Там же. С. 32, 26, 1, 97, 116, 167, 169.

В XVI веке с образованием единого Русского государства с центром в Москве складывается, указывал Ключевский, правительственная аристократия. Боярская дума становится оплотом ее политических притязаний. В XVII веке происходит падение правительственного класса. Дума перестает быть «участницей верховной власти, становясь только ее орудием»²⁵. К XVIII веку Боярская дума кончает свое существование.

В результате проведенного исследования Ключевский пришел к выводу, что в социально-политическом значении московской Боярской думы отразился основной факт истории Московского государства, которое было создано великорусской народностью. «Разделенная политически, угрожаемая гибелью с разных сторон», она «начала устроиться в обширный лагерь». Московское государство явилось народным лагерем, боровшимся на три фронта (восточный, южный и западный). Военное по происхождению, оно и устроилось по-военному. «В основании его социального строя лежало деление общества на служилых и неслужилых людей, т. е. на строевые и нестроевые части населения».

«Руководя народной обороной из своей кремлевской ставки, московский князь действовал как главный военачальник. Из сочетания власти такого военачальника с правительственными понятиями и привычками хозяина-вотчинника удельных веков и вышел своеобразный политический авторитет московских государей...» И боярская дума XV–XVI веков была по преимуществу военным советом. Деятельность государя с боярами «оставалась деятельностью народного военачальника с военными товарищами»²⁶ до тех пор, пока не началось разрушение правительственного класса.

Помимо «Боярской думы» исследовательский интерес Ключевского к социальной истории России, особенно к истории правящих классов и истории крестьянства, отражен в его работах «Происхождение крепостного права в России», «Подушная подать и отмена холопства в России», «История сословий в России», «Состав представительства на земских соборах древней Руси», «Отмена крепостного права» и ряде статей. Социальная история России стоит на первом плане и в его «Курсе русской истории». «В истории классов Ключевский, — писал Г. П. Федотов, — нашел свою социальную тему, которую он противопоставил политической теме государства

²⁵ Там же. С. 203, 240, 289, 296, 301, 379, 384.

²⁶ Там же. С. 520, 521, 522–523, 524.

и завещал всей позднейшей русской историографии». При этом автор утверждал, что «классовая тема Ключевского не стояла ни в какой связи с социализмом», и доказывал это тем, что внимание историка «было приковано не к одним трудящимся классам», а скорее к правящим. «Менее всего Ключевский уделял внимание буржуазии, как и пролетариату — торгово-промышленным группам Древней Руси». Его социальная тема возникла, продолжал Федоров, не из европейской социальной борьбы (как прусский социализм), а имеет более глубокие, народные и вместе с тем личные корни²⁷.

От концепции представителей государственной школы с их чисто правовым подходом к сути управления государством позиция Ключевского отличалась прежде всего стремлением представить исторический процесс как процесс развития общественных классов, взаимоотношения и роль которых менялись в связи с экономическим и политическим развитием страны. Характер общественных классов и их отношения друг к другу Ключевский считал более или менее дружным сотрудничеством. Примиряющим началом в народном хозяйстве и политической жизни он называл государство, которое выступало как выразитель общенациональных интересов. Историки-юристы старой школы (М. Ф. Владимирский-Буданов, В. И. Сергеевич и др.) выступили в печати резко против концепции Ключевского. Но не все историки русского права (например, С. А. Котляревский) разделяли их позицию. В большинстве же случаев труд Ключевского «Боярская дума» был воспринят как художественное воплощение совершенно новой схемы русской истории. «Многие главы его книги положительно блестящи, а сама книга — целая теория, сплошь выходящая из пределов темы, близкая к философскому осмыслению всей нашей истории» — писал тогдашний студент Петербургского университета (впоследствии академик) С. Ф. Платонов²⁸.

Защита докторской диссертации Ключевского состоялась 29 сентября 1882 года. Длилась она почти четыре часа и прошла с блеском. «Впечатление, произведенное диспутом г. Ключевского, — писала газета “Голос”, — было близко к восторженному энтузиазму. Знание предмета, меткость ответов, исполненный достоинства тон возражений, все это свидетельствовало, что мы имеем дело не с восходящим, а уже взошедшим светилом русской науки»²⁹.

²⁷ Федотов Г. П. Указ. соч. С. 337.

²⁸ ИРЛИ (Пушкинский Дом). № 24, 966. Л. 3.

²⁹ В. О. Ключевский. Материалы... С. 18.

Через месяц с небольшим Ключевский был утвержден в звании профессора и Московского университета и Московской духовной академии.

В напряженные годы работы над докторской диссертацией и создания первых лекционных курсов по всеобщей и русской истории Ключевский заменил на университетской кафедре русской истории скончавшегося С. М. Соловьева (1879 г.). Отныне эта кафедра стала для него главной. Первая лекция была посвящена памяти учителя, затем Ключевский продолжил начатый Соловьевым курс. По своей программе он впервые приступил к чтению лекций в Московском университете через год, с осени 1880 года. «Ключевский покори нас сразу», — признавались студенты, и не только потому, что он красиво и эффектно говорил, а потому, что «мы искали и нашли в нем, прежде всего, мыслителя и исследователя» и поняли, что «за забавными анекдотами скрывается глубокое понимание эпохи, за художником скрывается мыслитель»³⁰. Он всегда возбуждал «умственную деятельность слушателей и читателей», его труды «будили нашу историческую мысль и двигают ее вперед», — признавал и не бывший слушателем Ключевского А. С. Лаппо-Данилевский³¹.

В течение всей жизни Ключевский непрерывно совершенствовал свой курс русской истории, но не ограничивался им. Для студентов университета им была создана целостная система курсов — в центре общий курс русской истории и пять специальных курсов вокруг него. Каждый имел свою специфику и самостоятельное значение, но главная ценность, на мой взгляд, заключается в их совокупности. Все они читались по строгому плану: в них определялся предмет и задачи курса, объяснялась его структура и периодизация, указывались источники и на фоне общего развития исторической науки давалась характеристика имевшейся литературы (или констатировался факт ее отсутствия). Изложение, как всегда у Ключевского, имело непринужденную форму. Он много пояснял, делал неожиданные, будившие воображения сравнения, шутил, а главное, профессор вводил студентов в глубины науки, делился с ними опытом исследователя и направлял их самостоятельный труд. Открывал цикл теоретический курс «Методология русской

---

³⁰ Милюков П. Н. В. О. Ключевский // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 186, 188.

³¹ Лаппо-Данилевский А. С. Исторические взгляды В. О. Ключевского // Там же. С. 100, 116.

истории», являвшийся «шапкой» для всех остальных. То был первый в России опыт создания учебного курса методологического характера — до того бывали лишь отдельные вводные лекции. В советской литературе курс по методологии подвергался особо резкой критике. Ключевского упрекали в том, что его философские и социологические взгляды не были достаточно определенными и четкими; что они отличались эклектизмом; что Ключевский рассматривал исторический процесс в идеалистическом плане; что ему чуждо понятие классовой структуры общества; что он воспринимал общество как явление, лишенное антагонистических противоречий, и ничего не говорил о классовой борьбе; что он неверно понимал такие понятия, как «класс», «капитал», «труд», «формация» и т. п. Упрекали Ключевского и за то, что ему не удалось перейти «порог к марксизму». Этому курсу предъявлялись требования исторической науки другой эпохи. Но и тогда, при негативной в целом оценке «Методологии» Ключевского, названный курс ценился как научный поиск ученого, подчеркивался новаторский для своего времени характер постановки проблемы.

Ключевский видел недостатки изучения родной истории в известной ее научной изолированности от западноевропейской науки, от слабости научного контроля и ответственности. Если европейский историк, пояснял он, должен исследовать так, чтобы не отстать от общего уровня и при этом сказать что-либо новое и основательное, то «на нашу литературу никто не смотрит, результатов ее работы никто не проверяет». В силу этого установился особенный взгляд, который делит историю на две особые сферы: на историю всеобщую и на историю русскую. А между тем, подчеркивал он, метод изучения русской истории может быть выработан только в связи с обобщениями всеобщей истории, может быть логически выведен только из метода общеисторического изучения. Ключевский оперирует понятием «местная история» как составной частью истории всеобщей.

Цель курса Ключевский определял как простое приведение в порядок общих исторических наблюдений и выведение метода изучения местной (в данном случае русской) истории. Методом он называл совокупность приемов изучения, которые разнообразятся в зависимости от характера поставленных задач, а задачи определяются предметом изучения. В течение всего курса Ключевский многократно повторял, что предметом исторического изучения является исторический процесс, «само историческое движение». А в понятие «движение» входят «силы, его производящие, свойства

предметов, движимых этими силами, и порядок, или последовательность, самого движения»³².

Настоящий предмет исторического изучения, по Ключевскому, составляют «не приключения или события», а быт, который складывается из необходимых явлений, «вызываемых повелительными историческими причинами». Это — понятия, нравы, привычки, право. Событийная же история может быть предметом исторического изучения «как вспомогательный материал или как замена быта, если последний неизвестен». «Целью исторического изучения, — читаем в курсе, — служит познание происхождения, хода условий, форм и природы человеческого общежития», а «конкретными предметами исторического изучения являются союзы, составляющие формы этого общежития»³³.

Ставил Ключевский и такой двойной вопрос. С одной стороны, может ли быть предметом исторического изучения, исследующего свойства людских союзов (т. е. общие процессы), одиночная деятельность человека — умственная или художественная. И с другой стороны, можно ли «произведения ума и художественного таланта» исключать из области исторического изучения. Они, отвечал Ключевский, и по своему происхождению не одиночны (они подготовлены совокупной работой известной среды, общества), и по своему воздействию на всех усиливают связь между людьми, составляющими союз. Словом, «в жизни союза не может быть вполне одиночной деятельности». Попутно Ключевский заметил, что и «знание может быть предметом самого себя (знание как акт мысли), может быть само для себя объектом»³⁴. Он, таким образом, говорил о правомерности изучения истории самой науки, что впоследствии оформилось в специальную отрасль знания — в «науку о науке», «науковедение».

Считая главным предметом исторической науки изучение эволюции людских союзов (их происхождение, развитие и свойства), Ключевский называл два вида таких союзов. Это «первичные, или естественные», которые возникают под влиянием инстинкта (сюда входят первобытное бессемейное общество, семья — материнская и патриархальная, род, триба и племя) и вторичные «производственные, или искусственные» (государство, церковь), которые строились на основе сознательно поставленной цели. Он говорил

---

³² Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. VI. М., 1989. С. 70. 73.

³³ Там же. С. 9.

³⁴ Там же. С. 10, ср. с. 22, 17.

об «элементах» или «связях», куда относил язык, кровное родство, власть, труд, капитал, обмен и пр. Ключевский рассматривал исторические силы (природа страны; физическая природа человека; личность и общество), элементы общежития, их формы и взаимодействия; говорил об исторических законах и прогрессе. Он подчеркнул разницу между терминами «движение» (или «процесс») и «прогресс». Первый — есть простое, не квалифицированное механическое понятие. Второй — представляет квалифицированное движение, подразумевающее движение к лучшему, последовательный успех общежития. Но этот успех как факт, утверждал Ключевский, подлежит сомнению, так как не имеет достаточной очевидности. Не существует, говорил он, «исторического термометра», способного измерить и сравнить ощущения античного гражданина, древнего индуса или современного человека: может быть, они лучше себя чувствовали, может быть, и хуже. «Это “может быть” никогда не будет устранено научно при оценке исторического движения». «Итак, — приходил он к заключению, — исторический прогресс есть термин, который ничего не определяет в ходе исторического движения». Поэтому Ключевский предпочитал говорить не о «прогрессе», а об успехах людского общежития, о приобретениях культуры или цивилизации³⁵.

Последовательно проводя идею исторического процесса, исторического движения, Ключевский рекомендовал историкам не останавливаться на современном состоянии как на чем-то твердом, как на застывшем последнем историческом моменте (распространенный порок многих исследователей). Настоящее время, разъяснял он, это также субъективное представление, абстракция, то есть фикция. «В исторической действительности нет ни прошедшего, ни настоящего, а есть только непрерывное течение»; «едва наблюдатель успеет схватить своим наблюдением бегущую минуту, известные текущие явления, как схваченное им представление становится уже анахронизмом: оно отражает в себе уже не то, что идет, а то, что прошло» — не то, что есть, а то, что было³⁶.

Ключевский обращал внимание на существование обратного процесса (или движения). Вот один пример его пояснений: в политической истории Европы территориальная дробность феодальных времен сменилась стремлением обществ складываться в крупные политические тела сперва по географическому принципу, а с нача-

³⁵ Там же. С. 66, 67.

³⁶ Там же. С. 73, 397.

ла XIX века по национальному. Но прежде чем указанное стремление достигло цели, «обнаружилось обратное движение: некоторые старые и крупные политические тела начали разлагаться на мелкие части». Мотив этого разложения — религиозно-племенное родство. «Такое разложение постигло уже Турцию и очень успешно подготавливается в Австрии», — сказал Ключевский в 1884 году (Австро-Венгерская монархия, как известно, распалась в ноябре 1918 г., чему, однако, Ключевский уже не был свидетелем — он ушел из жизни в 1911 г.). Поразительным кажется его следующее рассуждение: «Любопытнее всего то, что руководительницей этого религиозно-племенного разложения является самая крупная и в религиозно-племенном отношении одна из наиболее сплоченных европейских держав — Россия: она создала уже четыре мелких племенных государства (Грецию, Сербию, Румынию и Болгарию) и поддержала существование пятого (Черногории). Нет сомнения, это религиозно-племенное обособление есть только дальнейший момент в ходе политического устройства Европы по национальностям; но со временем он глубоко изменит ее нынешний политический склад»³⁷.

В курсе по методологии Ключевский не раз обращался к трудам европейских ученых — Монтескье, Тэна, Баро, Фюстель де Куланжа, Мэна, Телона. Более подробно он остановился на общих исторических теориях Боссюэта, Лорана и Гегеля. Ключевский пришел к выводу, что «теории, с одной стороны, шире, а с другой — уже истории; они не совпадают с историей, хватают то дальше ее, то не захватывают всей ее области, вообще, входят в нее клином». Теологическая и метафизическая теории, говорил он, показывают, откуда идет история и куда она направляется. Но для историка важно не это, историк изучает процесс, само движение, поэтому для него важно, как совершается это движение. «Я хочу сказать, — подытоживал Ключевский, — что философия истории и история — это две различных сферы ведения, которые никогда не сойдутся: здесь господствуют различные начала и различные методы изучения: философия истории есть философия, а не история; история, следовательно, должна быть сама собой, не переходя в философию». Задача исторического изучения гораздо скромнее, она «ограничивается указанием доступной наблюдению связи и преемственности явлений, не восходя к исходному пункту этих явлений и не спускаясь к конечным их целям»³⁸. Ключевский охарактеризовал три момента

³⁷ Там же. С. 91–92.

³⁸ Там же. С. 58, 61.

общего исторического процесса: общение или столкновение союзов; поглощение или слияние; историческая передача.

Затем Ключевский переходил к рассмотрению методов изучения истории. Он указал на два из них: субъективный и объективный, которые различаются приемами и задачами изучения. Исходным пунктом субъективного метода Ключевский называл современное состояние общества, задача которого состоит в показе постепенного роста современной культуры. Вследствие такого подхода история получает значение пояснительного приложения, историческое изучение становится нравственно-педагогическим средством и руководством для практической деятельности. Полнота исторического изложения зависит от личных познаний историка, от его личного кругозора, ибо он может рассказать только то, что знает и понимает сам: историческое изучение таким образом отправляется не от исторического явления, не от изучаемого объекта, а от изучающего субъекта, и, «следовательно, исходным пунктом изучения становится точка зрения изучающего», а исторические явления подбираются по личному усмотрению автора. Поэтому в прошедшем подбираются то факты экономической жизни, то сосредотачивается внимание на устройстве управления и его формах, то уделяется место успехам знаний. При этом историки, получившие литературно-философское образование, замечал Ключевский, обычно опускают развитие математических и физических знаний. Субъективный метод Ключевский назвал облегченным способом исторического изучения, а его приемы, суть которых составляют «подбор явлений, оценка их и связь» — отличаются капризной изменчивостью³⁹.

При объективном методе изучения истории за точку отправления избирается не изучающий субъект, а изучаемый объект. Само историческое движение, «последовательно создающее и разрушающее различные состояния, или различные формации общежития» и составляют задачу исторического изучения. При таком понимании задач исторической науки изучающему, указывал Ключевский, нет нужды подбирать явления, потому что для него «все явления суть обнаружения исторического движения». При объективном методе изучения истории приемы субъективного метода не годятся. Ключевский назвал и подробно охарактеризовал три приема объективного метода: «наблюдение явлений, сопоставление явлений и обобщение явлений». Эти приемы, подчеркивал он, существуют

---

³⁹ Там же. С. 72, 71, 89–90, 396.

не отдельно, а составляют «последовательные моменты исторического познания, ступени, на которые последовательно восходит изучающий историю». Вступление на каждую ступень, замечал Ключевский, подготавливается предварительной работой, «правила которой составляют в совокупности критику»: критику источников, прагматическую критику и, наконец, высшую историческую критику. Историк в своей практической деятельности, утверждал Ключевский, должен уметь пользоваться всеми видами приемов и методов исторического изучения. «Итак, — делал Ключевский заключительный вывод, — отдельные приемы изучения местной истории должны вести к одному конечному результату — к составлению ее общей схемы». «Указанием этой конечной задачи я заканчиваю изложение оснований исторической методологии в приложении к изучению местной истории и перехожу к другой части наших занятий — к изучению терминологии русских исторических источников»⁴⁰.

Первое и самое большое затруднение, даже для специалистов, при изучении источников далеких времен составляет, считал Ключевский, их терминология. Поэтому уже в ранних курсах, в «Боярской думе» и других трудах он по ходу изложения разъяснял вышедшие из употребления труднопонимаемые слова и выражения. Тогда же, с 1870-х годов, Ключевский начал собирать материалы для терминологического словаря и писать небольшие поясняющие тексты. К сожалению, эта работа осталась незавершенной. Курс «Терминология русской истории» представляет собой ряд небольших исследований об отдельных древнерусских терминах. В исторической науке ни до, ни после Ключевского нет другого целостного изложения древнерусской терминологии — этот курс уникален.

«Под терминологией русской истории я разумею, — говорил Ключевский, — изучение бытовых терминов, встречающихся в наших исторических источниках», «смысл или происхождение которых для нас уже не ясны».

Ключевский оговорил, что построил курс не по образцу исторических словарей, где материал располагался в алфавитном порядке вне зависимости от их проблематики, назначения и времени действия. Он рассматривал термины в исторической перспективе, положив в основу изложения проблемно-хронологический принцип: «исторические термины мы будем изучать по разрядам исторических

---

⁴⁰ Там же. С. 73, 74, 88, 93.

явлений», т. е. «по составным элементам или отдельным течениям нашей исторической жизни», «сначала изучим термины политического быта, потом юридического и, наконец, экономического». Хронологически названные темы разделялись на три периода: до середины XIII века; удельные века (XIII–XV вв.); термины времени Московского государства (XVI, XVII вв.). Иногда делались экскурсы и в XVIII век. Внутри этих периодов группы терминов рассматривались, по выражению Ключевского, «сверху вниз», т. е. от верховной власти до низших слоев населения. Такой порядок изучения дает возможность, — считал он, — сводить явления того или другого разряда (именно явления политические, юридические и экономические) «в особую обобщающую их формулу», а из этих отдельных формул можно «вывести общую схему нашей истории»⁴¹. Насыщенные богатейшим материалом, терминологические лекции по-своему передают историю страны, высвечивая важные ее стороны и детали.

Сами термины давались в их эволюции, т. е. говорилось об их происхождении, значении, иногда многозначном (например, слово «Русь»: «Русь — племя», «Русь — сословие», «Русь — область», «Русь — государственная территория»), и о последующем развитии термина. Отмечал он и разногласия по поводу толкования или происхождения тех или иных понятий и терминов.

Нарастающий интерес Ключевского к истории социального строя русского общества и к взаимоотношению классов сказался и на терминологическом курсе. Он и здесь говорил о двояком происхождении классов, которые могут формироваться как на политическом, так и на экономическом основании: сверху волей власти и снизу — экономическим процессом; вел речь о «снятии повинностей», которое начиналось, считал он, в XVIII века «с верху общества, с высших классов, и долго, до освобождения крестьян, не простиралось на низшие классы» и выводил «схемы» социальной истории⁴².

Через год Ключевский прочитал уже целый курс по истории сословий в России, где показывал несправедливость сложившегося сословного неравенства. Этот курс получил наибольшую известность из всех спецкурсов Ключевского. История сословий была для Ключевского остро современной темой. «Научный интерес к истории нашего общества, — писал он, — был возбужден его

⁴¹ Там же. С. 94, 93, 103.

⁴² Там же. С. 134, 141, 103–107, 140–142.

недавней перестройкой (имеется в виду крестьянская реформа 1861 г. — *Р.К.*); вот почему мы еще так мало знаем эту историю. Между тем исторический склад нашего общества, может быть, и сообщает всего более общенаучный интерес нашей истории. Этот склад очень своеобразен, и наблюдения над его ходом могут пригодиться при изучении какой угодно части исторической науки». Поясняя «понятие о сословии», Ключевский, так же как в терминологическом курсе, в «Боярской думе» и других работах, говорил об их двояком политическом и экономическом происхождении. Первое он связывал с насильственным порабощением общества вооруженной силой, второе — с «добровольным политическим подчинением его классу, достигшему хозяйственного господства в стране». Он проводил мысль о временном характере сословного деления общества, подчеркивал его преходящее значение, обращал внимание на то, что «бывали времена, когда сословий еще не было, и наступает время, когда их уже не бывает». Он утверждал, что сословное неравенство — явление историческое (т. е. не вечное, а временное состояние общества), «исчезающее почти всюду в Европе; сословные различия все более сглаживаются в праве». Но и с исчезновением сословий не наступит полное равенство, так как их заменяют «изменчивые экономические состояния»: «Наиболее платящие государству, т. е. наиболее состоятельные, прямо или косвенно руководят делами государства, а наименее состоятельные волей-неволей подчиняются этому руководству». Не будет равенства и тогда, когда, быть может, осуществляются мечты многих (вероятно, и Ключевского), когда капитал утратит политический вес и уступит свое место иной силе — науке, знанию. Когда в государственном механизме вместо экономического неравенства и сословий будут ученые степени, а в законодательных собраниях депутаты с имущественным цензом очистят скамьи для делегатов ученых обществ с дипломами, тогда государство будет устроено по образцу школы с разделением на учеников и учителей и с подразделением последних на старших и младших. «Уравнение сословий, — заключает он, — есть одновременное торжество и общего государственного интереса, и личной свободы. Значит, история сословий вскрывает нам два наиболее скрытые и тесно связанные друг с другом исторические процессы: движение сознания общих интересов и высвобождение личности из-под сословного гнета во имя общего интереса»⁴³.

---

⁴³ Там же. С. 250, 236, 239, 233, 244.

«Предмет предпринимаемого мною курса, — говорил Ключевский, — краткий обзор истории сословий в России до издания сословных жалованных грамот императрицы Екатерины в 1785 г.». Конечную крайнюю дату он объяснял тем, что законодательными актами Екатерины «завершилось образование русских сословий, начатки которого кроются в самом возникновении древнерусского Московского государства». Такая четкая и обоснованная датировка ввела в заблуждение некоторых историков, не дочитавших внимательно курс до конца. Они посчитали курс завершенным. Между тем из-за нехватки лекционного времени Ключевский вынужден был прервать чтение, окончив характеристику истории сословного строя русского общества царствованием Петра I.

Историю сословий в России автор подразделил на четыре периода. В первом «с IX до конца XII в.» основанием сословного деления, по Ключевскому, было завоевание или вооруженное давление; во втором «удельные века (XIII, XIV и XV)» — «хозяйственный договор с князем»; в третьем периоде Московское государство (в XVI и XVII вв.) — «различие государственных повинностей» и в четвертом (XVIII в.) — «различие государственных и гражданских прав»⁴⁴. Согласно этой периодизации Ключевский и излагал насыщенный богатым фактическим материалом курс.

Исключительно важное значение Ключевский придавал всегда знанию источников и научной литературы, изучение которых сопряжено со значительными трудностями и требует определенных профессиональных навыков: нужно научиться читать и понимать исторические источники.

Лекции по источникам русской истории и по историографии были в преподавании Ключевского взаимосвязаны и поначалу читались вместе.

В первой лекции курса «Источники русской истории» (1891 г.) ставились некоторые вопросы теории источниковедения, такие как определения источника и исторической критики; существующие виды и приемы исторической критики и три ее основные задачи (реставрация и интерпретация древнего текста; определение точки зрения автора; истолкование внутреннего смысла исторического факта); говорилось о зависимости задач и приемов исторической критики от свойств источников и состояния их разработки, о рядах источников, о важности разработки вспомогательных исторических дисциплин.

---

⁴⁴ Там же. С. 251, 252.

Большое значение придавал Ключевский общей методике источниковедческого анализа. Он рассматривал особенности каждого вида русских источников и указывал те трудности, с которыми встречаются исследователи при их изучении. Историк специально останавливался и на сложностях, связанных с особенностями древнерусской лексики, видя одну из трудностей письменных источников в мудрствовании «старинных, особенно средневековых, читателей, которые позволяли себе исправлять древний текст, где его плохо понимали, сокращали или дополняли, где находили это нужным». Последующие лекции посвящены рассмотрению отдельных видов источников. Значительное место в лекциях уделено летописям. Ключевский сознательно сосредоточивал внимание на древнерусских памятниках как наиболее трудных для понимания. Остальные же литературные памятники, считал он, «не представляют трудностей, и предварительное знакомство с ними можно получить из любого курса истории русской литературы»⁴⁵. Курс заканчивался краткой характеристикой источников XVI века.

Из сохранившихся материалов историка видно, что при характеристике источников XVII и более поздних веков он переходил постепенно к историографической подаче материала, а впоследствии исторические произведения XVII — начала XVIII века стали целиком предметом его лекций по историографии. Ключевский стал рассматривать «Начальную летопись» и другие летописные своды не только как исторические источники, но и как исторические произведения, т. е. с позиций историографии. Касался он в лекциях об источниках и вопросов издания и изучения памятников, что тоже, строго говоря, историографическая проблематика: история источниковедения как часть истории исторической науки.

К курсу «Источники русской истории» примыкают две работы Ключевского о важнейших юридических памятниках древней Руси — о «Русской Правде» и о «Псковской Правде». Обе они представляют собой запись бесед историка со студентами на семинариях. Более подробно свои взгляды на «Русскую Правду» Ключевский изложил в I томе «Курса русской истории», где поставил вопросы о связи «Русской Правды» с русской действительностью XI–XIII веков. Проводил Ключевский семинарские занятия и по другим древнерусским памятникам.

---

⁴⁵ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. VII. М., 1989. С. 10, 77.

Лекции Ключевского по историографии не дошли в полном виде. Но их существенно дополняют статьи ученого об историках и многочисленные записи, сделанные им при подготовке к лекциям.

Принципиальное значение имеют четыре наброска Ключевского по «варяжскому вопросу». В годы деятельности Ключевского норманнская теория была уже основательно подорвана, тем не менее она удерживалась в науке, продолжая считаться одной из главных проблем в истории Древней Руси. И Ключевский в «Курсе русской истории» оставался на позициях норманистов, не решаясь открыто высказать свое истинное мнение, в чем он и признавался в приватном письме к В. И. Герье: «Замечания на новые теории о начале Руси я изготовил про себя и едва ли решусь показать их людям»⁴⁶. Усилия, потраченные на разрешение этой проблемы, Ключевский считал научно бесплодными, называя их «нескладицей», праздной игрой в гипотезы и даже явлением патологии. Он отказывался видеть в решении «варяжского вопроса» ключ к разъяснению начала русской национальной и государственной жизни. Свою позицию Ключевский называл «ученым целомудрием» и «ученой дисциплиной», которая основывалась на том правиле, что «не следует сбивать с толку других, уверяя их в том, в чем не убежден сам, и не следует убеждаться в том, что не имеет достаточных оснований». «Мы чувствовали, что в ней много нескладного, но не решались сказать что-либо против нее. Мы ее сохранили как ученики ее создателей и не знали, что делать с ней как преподаватели. Открывая свой курс, мы воспроизводили ее, украшали заученными нарядами и ставили в угол как ненужный, но требуемый приличий обряд <...>. Потом мы рассказывали, как будто и нет спора, о варягах с братией». Метко и остро характеризовал Ключевский автора «Начальной летописи» — ученого книжника XII века, первого норманиста, выступившего с теорией, которая покрывала «скандал пиратской узурпации <...> политической программой народного договора с князем» в угоду новой власти, а также историков XVIII и XIX веков, которые «выступают с таким шумом и такими мужественными физиономиями, как будто они вверх дном ставят все основные факты, которыми открывается наша история»⁴⁷.

Как в общем «Курсе русской истории» Ключевский показывал, что преобразования Петра I были подготовлены русской действительностью еще в XVII веке, так и лекциях по историографии

⁴⁶ Ключевский В. О. ПДА. С. 154.

⁴⁷ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. VII. С. 144, 146, 138.

он подчеркивал единую линию развития и связь исторических знаний Древней Руси и послепетровской России. При рассмотрении исторических работ Ключевский отмечал критические приемы, начиная с Тверской, затем Никоновской летописей, доводя до «Синописа» И. Гизеля, который в свою очередь он связывал с «Ядром Российской истории» А. И. Манкиева. Продолжал он эту линию, рассматривая труды В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, И. Н. Болтина и т. д. Примерно по тем же работам Ключевский просматривал появление, а затем и укрепление прагматического способа изложения. Таким образом Ключевский показывал естественное развитие этих черт в русской историографии, не объясняя их появление в русской науке XVIII века только привнесением со стороны немецкими учеными, что было тогда устоявшимся распространённым мнением.

Отличительная особенность историографических работ Ключевского — постановка и решение некоторых теоретических вопросов в сочетании с яркими очерками об отдельных ученых. Так, он выделял проблему западного влияния, связывая возникновение его с именем кн. И. А. Хворостинина; большое место в анализе Ключевского занимает проблема воздействия переломных эпох на развитие исторического знаний («бедствия гораздо больше, чем книги и лекции, обучали людей истории»)⁴⁸, а также вопросы периодизации исторической науки (Ключевскому принадлежит один из первых опытов теоретической разработки данной проблемы) и историографических направлений⁴⁹.

При изложении конкретного материала Ключевский давал общую картину эпохи; затем суммарную характеристику исторических трудов периода. Он обычно старался показать связь работ данного времени с историческими работами предшественников и вместе с тем подчеркивал их новые черты. Далее Ключевский переходил к рассмотрению наиболее важных исторических сочинений. Он обращал также внимание на форму произведения, его художественные достоинства и недостатки, на источниковую основу труда. Помимо лекций Ключевский проводил и семинарские занятия, на которых давал студентам для курсовых работ отдельные историографические темы.

---

⁴⁸ Там же. С. 156.

⁴⁹ Подробнее см.: *Киреева Р. А.* 1) В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. М., 1966; 2) Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917. М., 1983.

Статьи и очерки ученого о своих коллегах — глубокие, меткие, образные, порой хлесткие — знакомят с жизнью и деятельностью ряда русских историков, вскрывают любопытные черты развития русской исторической мысли XVI–XIX веков. Свойственная Ключевскому ирония и самоирония, образно-эмоциональное восприятие, юмор и сарказм пронизывают его работы, будь то теоретические рассуждения или повествования об историках, куда нередко вплетались личные впечатления и воспоминания автора. В результате получалась ищущая, спорящая, движущаяся — одним словом, живая история исторической науки.

Положение крестьян в России, происхождение крепостного права и этапы развития крепостничества, экономическое развитие России и вопросы управления были постоянными темами Ключевского. Помимо лекций этим проблемам посвящены статьи «Крепостной вопрос накануне законодательного его возбуждения» (1879), «Право и факт в России» (1886), «Подушная подать и отмена холопства в России» (1886), «Отзыв на исследование В. И. Семевского «Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX в.» (1889), [«Отмена крепостного права»] (1911), [«19 февраля 1861 г.»] (1911). Две статьи, заключенные в квадратные скобки, писались Ключевским в больнице после операции: «Пишу карандашом кое-как: встать нельзя»⁵⁰. Обе статьи оказались последними работами в жизни ученого и обе статьи остались неоконченными. Впервые они были опубликованы только через 47 лет в качестве приложения к 5 части «Курса русской истории» (1958). В них Ключевский, в частности, ставил перед собой задачу ответить на вопрос: «Как вели себя во время реформы господа народа, хозяева тесного, хорошо прикрытого законом здания, и как относился к ним лишенный законного крова народ — работники?»⁵¹

В науке существовала теория «закрепощения и раскрепощения сословий» всемогущим государством в зависимости от его потребностей. Ключевский же пришел к выводу, что крепостное право в России было создано не государством, а только с участием государства; последнему принадлежали не основания права, а его границы. По его мнению, причина возникновения крепостного права была экономическая, которая проистекала из-за задолженности крестьян землевладельцам. То есть вопрос передвигался из государственной сферы в область частноправовых отношений.

⁵⁰ Ключевский В. О. ПДА. С. 215.

⁵¹ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. V. М., 1989. С. 434.

Таким образом, и в этом вопросе Ключевский выходил за рамки государственной школы.

Крепостное право в России Ключевский признавал незаконным, особенно после введения закона о вольности дворянства, которым отменялась обязанность их службы. Отмену в 1861 году крепостного права он называл непростительно запоздалой. И в последней, предсмертной статье писал: «Возвращая свободу крепостному населению, реформа 19 февраля восстанавливала в стране нормальный государственный состав. До нее Россию можно было называть Русским государством только в условном преувеличенном смысле. Это не было государство русского народа. Россия и в XIX в. оставалась невольничьей страной; только верхние классы ее населения, дворянство, духовенство и городской состав, были полноправны в тогдашнем размере русского полноправия. <...> Сельское податное население не имело прав, точно определенных законом. Крепостные были совсем бесправны»⁵².

История денежного обращения и финансов России разрабатывалась Ключевским во многих трудах, начиная со студенческого сочинения «Сказания иностранцев...» (главы «Доходы казны», «Торговля», «Монета»), в спецкурсе «Терминология русской истории» (лекция XI, посвященная денежной системе), в исследовательской статье «Русский рубль XVI–XVIII вв. в его отношении к нынешнему» (1884), где, сопоставляя хлебные цены в прошлом и настоящем, автор определял покупательную способность рубля в разные периоды русской истории, в статье о подушной подати, в «Курсе русской истории». Основанные на тонком анализе источников, эти работы Ключевского внесли весомый вклад в изучение данного круга проблем.

Приказом министра народного просвещения Ключевский был утвержден с сентября 1887 года в должности декана историко-филологического факультета сроком на четыре года. До окончания срока, в 1889 году, его назначили помощником ректора с увольнением от должности декана. Ключевский тяготился административной работой и уже в декабре 1890 года подал прошение об увольнении и с этого поста, что было удовлетворено соответствующим министерским приказом.

В 1890/91 году в Политехническом музее Ключевский прочитал десять публичных лекций под название «Западное влияние в России после Петра». Основное внимание в них уделялось новым явлениям

---

⁵² Там же. С. 433.

в истории России, происходившим в результате реформ Петра I. Эти изменения Ключевский связывал прежде всего с влиянием Западной Европы на политическую структуру общества, на образование, быт и культуру. Под «западным влиянием» он понимал не только механическое перенесение в Россию идей и политических учреждений западноевропейских стран (в первую очередь Франции), а изменения русской действительности, главным образом относящиеся к дворянству. Он рисовал яркую картину российского XVIII века, разоблачал паразитизм дворянства (особенно со времен закона о вольности дворянства), давал острую характеристику сменявших друг друга на престоле самодержцев и самодержиц. Развивал он эту тему и в целом ряде статей.

Нередко Ключевский безвозмездно выступал в пользу голодающих, пострадавших от неурожая, в пользу Московского комитета грамотности, а также по поводу знаменательных дат и общественных событий. На таких выступлениях он часто говорил о благотворительности, нравственности, о воспитании и просвещении. К таким речам прежде всего относятся «Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка» (1888), «Значение преп. Сергия для русского народа и государства» (1892), «Добрые люди древней Руси» (1892), «Два воспитания» (1893). Ученик Ключевского П. Н. Милюков поделился своими воспоминаниями о вынесенном им впечатлении именно от этой серии работ учителя. Когда Ключевский говорил о милосердии или нравственности, писал Милюков, он жил «в эти минуты одной душой с далеким прошлым», находил «там себя и в себе — эту древнюю русскую душу. Он понимает сердцем эту руку, протягивавшую милостыню и поддерживающую огонь в неугасимой лампаде. Это — свое, родное, близкое и понятное»⁵³. «Все эти и подобные им произведения В. О. Ключевского, — вторил Милюкову С. Ф. Платонов, — так обдумывались и обрабатывались, что не только служили украшением праздника, на котором были сказаны, но и навсегда делались образцами научно-изящной популяризации»⁵⁴.

Каждое выступление историка приобретало огромное общественное звучание. Люди, слышавшие Ключевского, сравнивали его по силе воздействия на аудиторию не с другими профессорами или учеными вообще, а с высочайшими образцами искусства —

⁵³ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 205.

⁵⁴ Платонов С. Ф. Памяти В. О. Ключевского // В. О. Ключевский. Характеристика и воспоминания. С. 95–96.

с выступлениями Шаляпина, Ермоловой, Собинова, Рахманинова, со спектаклями молодого Художественного театра. Под влиянием Ключевского А. П. Чехов собирался писать историю медицины. Неслучайно поэтому тот, кто присутствовал на выступлениях Ключевского, надолго запоминал их; кто не попадал, сожалел о том. Художник М. В. Нестеров, к примеру, писал: «Одного не могу простить себе — это то, что <...> пропустил возможный случай слышать необыкновенную речь проф. Ключевского. В. М. Васнецов был на акте с Мамонтовым и считает, что, слышав эту речь, он получил себе драгоценный подарок»⁵⁵. Нестеров имел в виду речь Ключевского по случаю 500-летия кончины Сергия Радонежского, где, в частности, оратор говорил об одном из отличительных признаков великого народа — способности подниматься на ноги после падения. Для этого необходимо нравственное возрождение, а оно сделает возможным и возрождение политическое, так как «политическая крепость прочна только тогда, когда держится на силе нравственной»⁵⁶.

Вопросы русской культуры (в широком смысле этого слова) всегда привлекали внимание ученого. Но в лекциях Ключевский не мог подробно осветить их, и он создал серию статей по истории русской культуры и общественности. Каждая работа имеет вполне самостоятельный, законченный характер, и вместе с тем они органически связаны между собой и развивают одна другую. Многие его наблюдения и выводы и сегодня звучат своевременно, злободневно, поучительно.

Ключевского всегда интересовало творчество русских писателей и поэтов. Никто из русских историков не оставил такого числа статей и набросков о писателях, как он. Им были написаны очерки о Фонвизине, Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Аксакове, Гончарове, Островском, Достоевском, Чехове, Горьком. Ключевский дал не только ряд портретов деятелей русской культуры, но и мастерски воспроизвел ту общественную почву, на которой вырастали и эти деятели, и созданные ими образы. Художественная литература становилась для него ценнейшим историческим источником, наиболее ярко и доступно отразившим подлинную жизнь. Сами же писатели, так же как и коллеги-историки, помимо их конкретного творчества, были для Ключевского важны как «общественные

---

⁵⁵ Нестеров М. В. Письма. Избранное. Л., 1988. С. 95.

⁵⁶ Ключевский В. О. Очерки и речи. Второй сборник статей 2 изд. Пг., 1918. С. 197, 200, 209.

типы». Он изучал через литературные персонажи разнообразные культурные слои и типы российской действительности: без них «пустеет история нашего общества». При помощи литературных шедевров Ключевский проникал в духовную глубину человека и в нравственную историю общества.

Рассматривая произведения классической русской литературы, Ключевский видел свою задачу в том, чтобы встать подле читателя (или зрителя) с осторожным комментарием, превратившись в ненавязчивого, но внятного суфлера — скромничал он. Легко и осторожно вводил историк своих «подопечных» в ту или иную историческую эпоху, погружал их в атмосферу прошлых лет, терпеливо что-то объяснял и толковал и знакомил невзначай с подлинными документами времени.

Особенно привлекал Ключевского Пушкин. О нем историк написал три великолепные статьи, где подчеркивал и глубоко национальный характер творчества поэта, и его значение в развитии мировой культуры. В молодости Ключевскому был близок Тургенев, которого он называл писателем своего поколения, хотя и тогда не во всем с ним соглашался. Любимым женским образом Ключевского была Лиза Калитина, а созданный Тургеневым образ Гамлета Щигровского уезда он использовал и сам, читая иногда от его имени свои афоризмы.

Черновики ученого 1908 года говорят о его намерении ввести в «Курс русской истории» тему о русском творческом гении: о расцвете литературы (здесь он перечислил: «Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, граф А. Толстой. Граф Толстой — яркая звезда на мировом культурном небосклоне») и искусства, о научных успехах («сам прилип, как склизняк, к этой скале гранитной», — писал он в скобках) и о системе учебных заведений. Архив Ключевского свидетельствует об интенсивной его работе в этом направлении.

Среди рукописей историка есть несколько записей, которые названы им «Об интеллигенции» или «Мысли об интеллигенции». Ключевский постоянно думал о русской интеллигенции, о ее положении и роли в обществе, о ее назначении и задачах. Это находило отражение в письмах и дневниках Ключевского еще студенческой поры, а также во многих исследовательских работах и лекциях (особенно в общем курсе русской истории, в лекциях по русской историографии, в чтениях «Западное влияние в России после Петра» и др.) и в специально написанных по теме статьях и набросках. Он считал, что интеллигенция всякого народа, наблюдая

и изучая жизнь, должна быть посредницей между общим достоинством всего человечества и своим народом. Ее назначение — понимать окружающую действительность, положение народа и свое собственное положение для того, чтобы «угадать» направление последующего развития этого народа и его возможные последствия, «Интеллигент — диагност и даже не лекарь народа, — образно писал он, — Народ сам залижет и вылечит свою рану, если ее почует, только он не умеет вовремя замечать ее». Наброски Ключевского, такие как «Характеристики общественных типов», «Об интеллигенции», «Мысли об интеллигенции», «Верование и мышление», ряд афоризмов и главным образом «План истории интеллигенции» дают основание утверждать, что он намеревался писать работу по истории русской интеллигенции.

Симптоматичны и собственные литературные зарисовки и наблюдения Ключевского. Они наводят на мысль — не хотел ли историк создать новый образ «героя своего времени». Таким «героем» ему представлялся... секретарь. «Эти люди много и хорошо пишут и умеют молчать <...> По моим историческим соображениям, — писал Ключевский от имени иностранки, — в каждом большом государстве все управление со временем сведется к искусству направлять бумаги: вот тогда эти люди и станут главным рычагом управления». В другой наброске уже от имени этого нового «героя» Ключевский пишет «Автобиографию», награждая его выразительной фамилией — Соведралов, губернский секретарь, 30-ти с небольшим лет⁵⁷. Имена многим персонажам Ключевский давал в лучших традициях Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова: Нелюб-Злобин, князь Был-да-Сплыл, древний род Придворновых-Ерниковых, управляющий Разночинцев, Ванечка Дохлый, Петька Голован, Лилька Верти-Зад, врач Штубенмедхенштерер, Дурсиня, парижский Прохвост III и т. п.

Фантазия Ключевского выражалась и в выборе тем. Только ему пришла в голову мысль воссоздать род предков литературного героя Евгения Онегина, или говорить об историческом значении кнута и палки, или поведать о чем может начертать женская игла и что можно прочесть по дамскому костюму. Пример из его шуточных рассуждений: костюм женщины, утверждал он, это ее история, биография, ее философия. «Революция — разум — прилив крови к мозгу. И у женщин высокий ворот, стремившийся с плеч взобраться по шее до самой макушки. Очевидно, когда мужчины стремились

---

⁵⁷ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. С. 332, 342.

отдаться под философскую власть разума, женская игла хотела овладеть самим разумом. Начало века — белое и черное (печаль и грусть, умывание рук в ужасах).

Настала после Наполеона эпоха Реставрации, общего ремонта, когда люди, запыхавшись от поспешной беготни вперед, захотели собрать растерянные по дороге впечатления и часто оглядывались назад, как будто потеряв дорогу. Загляните в модные картинки при журналах 1815–1830 гг.: дамы принялись декольтировать спину, как будто перевернув баску спереди назад. Для чего? Чтобы посветить своим усталым и растерянными главам в их поисках найти потерянную назади дорогу. Значит — дамский костюм не всегда прибор для отвода зорких глаз; а иногда и фонарь для тускнеющего мужского зрения»⁵⁸.

В 1893/94 и 1894/95 учебном году Ключевский вновь вынужден был вернуться к преподаванию всеобщей истории, так как был откомандирован для чтения лекций великому князю Георгию Александровичу в Абастуман, где проживал со своей свитой болезненный царский сын. Курс, названный Ключевским «Новейшая история Западной Европы в связи с историей России», обнимает время от Французской революции 1789 года до отмены крепостного права и реформ Александра II. Здесь история Западной Европы и России рассматриваются в их взаимосвязи и взаимовлияния. Этот сложный по своему составу курс, насыщенный большим фактическим материалом, является важным источником для изучения эволюции исторических взглядов Ключевского и для исследования проблемы изучения в России всеобщей истории вообще и истории Французской революции в частности.

На досуге Ключевский вынимал маленькую изящную книжечку (она умещается на ладони) с золотым обрезом страниц, обтянутую в черный шелк, и вписывал в нее три-четыре афоризма. Некоторые афоризмы из «черной» он потом читал и в Абастумане и по приезде в Москву, приводя в восторг всех слушавших. Тематика афоризмов Ключевского разнообразна: от веселых житейских наблюдений до глубочайших обобщений, в которых чувствуется порой сдержанная усмешка или горькая ирония, а то и откровенный сарказм. Среди них много и чисто развлекательных высказываний, и поучительных, и парадоксальных. Каждый может найти изречение на свой вкус. «Как слезы сердца парадоксов зерна», — написал о них А. А. Зимин в своем стихотворении, посвященном Ключевскому.

⁵⁸ Там же. С. 297–298.

Обращу внимание на такое мудрое наблюдение историка: «Под здравым смыслом всякий разумеет только свой собственный» и на один полезный совет: «Простейший способ не нуждаться в деньгах — не получать больше, чем нужно, а проживать меньше, чем можно». И, пожалуй, еще одно: «Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла».

Директору Училища живописи, ваяния и зодчества князю А. Е. Львову посчастливилось привлечь Ключевского к чтению лекций. И Василий Осипович был очень доволен приятной аудиторией училища, где он проработал немногим более десяти лет. Случилось так, что последнюю в жизни лекцию В. О. Ключевский прочитал здесь — 29 октября 1910 года...

По словам Ключевского, он в училище не столько читал лекции, сколько приятно беседовал, отдыхая в обществе молодых художников, чрезвычайно интересовавшихся историей и задававших ему разнообразные вопросы. Слушать лекции Ключевского приходили не только ученики всех мастерских и классов, но и преподаватели и маститые художники, а тогда там преподавали В. А. Серов, И. И. Левитан, А. М. Васнецов, К. А. Коровин, Л. О. Пастернак и др. «Сейчас возвратилась с лекции Ключевского, — записала в дневнике художница Елена Поленова. — Какой талантливый человек! Он читает теперь о древнем Новгороде и прямо производит впечатление, будто это путешественник, который очень недавно побывал в XIII–XIV вв., приехал и под свежим впечатлением рассказывает все, что там делалось у него на глазах, и как живут там люди, и чем они интересуются и чего добиваются, и какие они там»⁵⁹. Валентин Серов специально приезжал слушать Ключевского, когда тот читал русский XVIII век. Под впечатлением этих лекций он работал тогда над серией рисунков из жизни Петра I и Елизаветы Петровны.

Вполне естественно, что художники, общавшиеся с Ключевским, рисовали его. Наиболее известны портреты В. О. Шервуда и Л. О. Пастернака, литография гравера В. Матэ и рисунок О. А. Яковлевой. Есть сведения, что историка рисовывали также художники Г. Герасимов, М. Добров и, возможно, другие. По поводу работы Шервуда Ключевский писал автору: «Если задача искусства мирить с действительностью, то написанный Вами портрет вполне достиг своей цели: он помирил меня с подлинником»⁶⁰. Красив и выразителен портрет

⁵⁹ [А. С.] Елена Дмитриевна Поленова (1850–1898). М., 1902. С. 37–38.

⁶⁰ Ключевский В. О. ПДА. С. 179.

кисти Леонида Пастернака и очень хороши «живые» эскизы к нему. Ключевский изображен читающим лекции на фоне красивого темно-красного актового зала среди статуй и картин. В первом ряду слушающих художник изобразил своего сына — будущего поэта Бориса Пастернака. Сам мастер был удовлетворен работой. «Я счастлив, — писал он, — что удалось мне, запечатлев черты гениального русского историка, оставить эту художественную память нашему народу. Смею думать, что я исполнил свой долг перед родиной написанием этого портрета»⁶¹.

«Мягкий» и «теплый» рисунок Ольги Яковлевой помогал ученикам Ключевского переживать трудное время: в 1920-е годы некоторые из них вынуждены были покинуть родину, нелегко было и оставшимся... Они, собираясь иногда, подолгу смотрели на дорогое для них лицо Учителя.

Курс русской истории, который читался в училище, Ключевский обычно начинал со вступительных лекций специально адресованных художникам, особенно тем, кто собирался писать на исторические темы. «Художнику необходимо наблюдать и надобно уметь, т. е. привыкнуть наблюдать», — советовал ученый и делился с аудиторией своим опытом «наблюдателя». Он обращал внимание слушателей на то, что «формы художественного выражения создает сама жизнь: жесты, позы, костюмы, поговорки» и учил их понимать те «житейские мотивы, коими внушены эти художественные формы». «Жизнь — художница», — внушал он.

Так как главным предметом искусства является человек, то художнику, говорил Ключевский, очень важно знать все то, что выражает человека и окружает его — одежду, прическу, утварь, фасад дома, внутреннее убранство жилища, нравы, обычаи и т. п. Ключевский помогал художникам научиться видеть и понимать различия современного человека с его кругом понятий, окружающей, средой и самопониманием и человека Древней Руси с его привычной обстановкой и образом жизни. Разъясняя некоторые явления русской жизни прошлых веков, которые претерпевали изменения, Ключевский тем самым учил художников историческому взгляду и историческому подходу при решении творческих задач.

Ключевский был деятельным членом Московского археологического общества, Общества любителей российской словесности, Общества истории и древностей Российских (ОИДР), где четыре срока был его председателем (1893–1905). Современники расце-

⁶¹ Пастернак Л.О. Записи разных лет, М., 1975. С. 222.

нили председательство Ключевского в течение 12 лет как время наибольшего расцвета научной деятельности ОИДР. Ключевский стал заслуженным ординарным профессором с 1897 года; почетным членом Юрьевского университета (1902), Московской духовной академии (1907), Общества любителей Российской словесности (1909), Московского литературно-художественного кружка (1910; его диплом подписан поэтом Валерием Брюсовым), Московского университета (1911).

В 1889 году Ключевский был избран членом-корреспондентом Академии наук, в 1900-м — академиком истории древностей русских вне штата, так как он не хотел покидать Москву и переезжать в Петербург, как то требовалось по положению. В 1908 году Ключевский был избран почетным академиком по разряду изящной словесности.

Ключевскому довелось участвовать в ряде государственных мероприятий. В 1905 году он входил в так называемую комиссию Д. Ф. Кобеко, разрабатывавшей проект нового цензурного устава. Ключевский выступал там несколько раз. В частности, полемизируя с защитниками цензуры, он дал остроумную ее историю: «Практика сначала пыталась создать цензуру мнений, — говорил он, — но это не удалось, и явилась цензура корректур. Цензор поправлял корректуру, выбрасывал одно, вставлял от себя другое, изменял третье, и так появилась целая литература поддельных книг, в которых под именем автора печатался цензор»⁶².

В том же году он был приглашен на «Петергофские совещания» по поводу выработки проекта Государственной думы. Там он решительно выступил против выборов «на сословном начале», доказывая, что сословная организация устарела, что пользу Родине приносит не только дворянство, но и все другие сословия. Ученый последовательно высказывался за смешанные выборы.

Весной 1906 года Ключевский неудачно баллотировался в ряды выборщиков в I Государственную думу от Сергиева Посада. А месяц спустя его избрали в члены Государственного совета от Академии наук и российских университетов. Но он сложил с себя это звание, заявив публично через газету «Русские ведомости», что не находит положение члена Совета «достаточно независимым для свободного в интересах дела обсуждения возникающих вопросов государственной жизни»⁶³.

---

⁶² Кони А. Ф. Указ. соч. С. 159.

⁶³ Ключевский В. О. ПДА. С. 203.

Более трех десятилетий Ключевский непрерывно трудился над своим лекционным курсом по русской истории, но долгое время отклонял все настойчивые просьбы напечатать его. Он неоднократно повторял, что курс — это непрерывно идущая вперед работа, нуждающаяся в постоянной обработке и переработке, что он еще не сказал в нем свое последнее слово. На свои средства Ключевский выпустил только для своих университетских слушателей «Краткое пособие по русской истории» (при жизни историка оно выдержало семь изданий), вовсе не предназначая эту книжку публике. Лишь в начале 1900-х годов Ключевский решился, наконец, готовить полный курс к печати. «Курс русской истории» в пяти частях, где дано целостное построение русского исторического процесса, признается вершиной творчества ученого. «Курс» основывался на глубокой исследовательской работе ученого, труды которого существенно расширяли проблематику исторической науки, и на всех созданных им курсах, как общих (по русской и всеобщей истории), так и на пяти специальных.

В четырех вступительных лекциях к «Курсу» Ключевский изложил основы своей исторической философии. Важнейшие положения, развиваемые им ранее в спецкурсе «Методология русской истории» (20 лекций), сконцентрированы в одной лекции. Это — понимание «местной» истории как части всемирной, «общей истории человечества»; признание содержанием истории, как отдельной науки, исторический процесс, т. е. «ход, условия и успехи человеческого общежития или жизни человечества в ее развитии и результатах»; выделение трех основных исторических сил, которые «строят людское общежитие»: «человеческая личность, людское общество и природа страны». Историческое изучение строения общества, писал Ключевский, составляет особую отрасль исторического знания: науку об обществе или историческую социологию, наиболее обильный материал для которой дает изучение местной истории»⁶⁴.

Еще в ранних лекциях начала 1870-х годов Ключевский, опираясь на все достижения современной ему науки, стал осуществлять новый для своего времени подход к изучению русской истории. До того на первом плане находились, главным образом, внешняя, политическая история государства и проблемы его управления. Ключевского же привлекали внутренние социально-экономические процессы — жизнь и взаимоотношения различных слоев

⁶⁴ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. I. М., 1987. С. 34, 40, 37.

общества. Он раскрывал в общей истории России хозяйственную жизнь страны, ее экономику и торговлю. В противоположность традиционному событийному изложению истории Ключевский перешел к проблемному раскрытию русской истории.

Отказался Ключевский и от общепринятой периодизации истории России по датам великих княжений и царствований. Его подход был более многогранным и гибким. Он обратил внимание на многообразие исторического процесса и стремился учитывать взаимодействие различных исторических сил, каждая из которых в отдельные периоды истории могла приобрести определяющее значение.

Основным фактом русской истории Ключевский, как и Соловьев, считал колонизацию: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней». «Ряд этих периодов — это ряд привалов или стоянок, которыми прерывалось движение русского народа по равнине и на каждой из которых наше общежитие устроилось иначе, чем оно было устроено на прежней стоянке»⁶⁵. Исходя из этого Ключевский делит русскую историю на периоды в первую очередь в зависимости от передвижения основной массы населения и от географических условий, оказывавших сильное действие на ход исторической жизни. Периодизация Ключевского включала в себя иную трактовку двух «основных фактов» — политического (здесь его главным образом интересовали проблема власти и общества и изменения социальной опоры власти, которые он считал одним из основных признаков того или иного периода) и особенно экономического фактов. В итоге у Ключевского получилось четыре периода:

Первый период длился приблизительно с VIII по XIII век, когда масса русского населения сосредоточивалась на среднем и верхнем Днепре с притоками. Русь была тогда политически разбита на отдельные обособленные области. Во главе каждой области стоял большой город как политический и хозяйственный центр. «Господствующий политический факт периода, — характеризует Ключевский, — политическое дробление земли под руководством города. Господствующим фактом экономической жизни <...> является внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и бортничеством». «Это Русь Днепровская, городовая, торговая».

---

⁶⁵ Там же. С. 50, 51.

Второй период длится с XIII до середины XV века. Главная масса русского населения среди общего разброда и разрыва передвинулась на верхнюю Волгу с притоками. Эта масса остается раздробленной, но не на городские области, а на княжеские уделы, что представляет собой уже другую форму политического быта. Отсюда господствующий политический факт периода — удельное дробление верхневолжской Руси под властью князей. Господствующий экономический факт — вольный крестьянский земледельческий труд на алеунском суглинке. «Это Русь Верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая».

Третий период с половины XV века до второго десятилетия XVII века, когда главная масса русского населения растекается из области верхней Волги на юг и восток по донскому и средневолжскому чернозему, образуя особую ветвь народа — Великороссию, которая вместе с местным населением расширяется на пределы верхнего Поволжья. Господствующий политический факт периода — государственное объединение Великороссии под властью московского государя, который правит своим государством с помощью боярской аристократии, образовавшейся из бывших удельных князей и удельных бояр. Господствующий факт экономической жизни — тот же сельскохозяйственный труд на старом суглинке и на новозанятом средневолжском и донском черноземе «посредством вольного крестьянского труда; но его воля начинает уже стесняться по мере сосредоточения землевладения в руках служилого сословия, военного класса, вербуемого государством для внешней обороны. Это Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землевладельческая».

Последний, четвертый период с начала XVII до половины XIX века: «русский народ распространяется по всей равнине от морей Балтийского и Белого до Черного, до Кавказского хребта, Каспия и Урала. Политически все почти части русской народности соединяются под одной властью: к Великороссии примыкает одна за другой Малороссия, Белороссия и Новороссия, образуя Всероссийскую империю. Но эта собирающая всероссийская власть действует уже с помощью не боярской аристократии, а военно-служилого класса, сформированного государством в предшествующий период, — дворянства. Это политическое собрание и объединение частей Русской земли и есть господствующий политический факт периода. Основным фактом экономической жизни остается земледельческий труд, окончательно ставший крепостным, к которому присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская.

Этот период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского»⁶⁶.

Это достижение исторической науки своего времени с «тяжелой руки» его ученика М. Н. Покровского долгие годы подвергалось строгой критике за «эклектизм», «многофакторность», «плюрализм», «идеализм», за непризнание формационного развития и вообще за «буржуазную ограниченность». (Как знать, возможно, за резкие нападки на учителя брошенный Покровским бумеранг еще больше ударил его самого и так называемую «школу Покровского»?!)

Стремился Ключевский к углубленной разработке не только научной стороны «курса». Он ставил перед собой задачу (которую блестяще разрешил) достигнуть художественного изображения, живого восстановления русского прошлого. Самые строгие экономические и социологические проблемы одухотворялись под его пером. А созданные им портреты отдельных исторических деятелей и групповые социальные характеристики великоросса-земледельца, князя, московского боярина, служилого человека и т. п. получали классическую отточенность и признавались Шекспира, Тацита, Льва Толстого достойными. Многие образно высказанные Ключевским наблюдения и выводы западали в память слушателей, охотно повторялись и передавались из уст в уста по Москве и другим российским городам. Но прежде чем они заблистали для всех, тому предшествовала большая работа. Недаром Ключевский говорил: «Тяжелое дело писать легко, но тяжело писать легкое дело».

«Курс русской истории» В. О. Ключевского получил всемирную известность. Он переведен на все основные языки мира. По признанию зарубежных историков, «Курс» Ключевского послужил базой и главным источником для курсов русской истории во всем мире.

Несмотря на чрезмерную занятость научной и огромной лекционной работой, Ключевский находил возможность общаться с художественными, литературными и театральными кругами Москвы. О том оставили яркие свидетельства Шаляпин, Горький, Бунин, Кони, Л. Пастернак, Серов, Нестеров, Телешов и многие, многие другие. Они передали свои впечатления о встречах с Ключевским, об удивительном таланте историка, об обаянии его личности. Ключевского приглашали на премьеры, бенефисы, банкеты, где он изумлял присутствующих метким словом, наблюдательностью, иронией и остроумием. Он заходил иногда

---

⁶⁶ Там же. С. 50, 53.

на «Телешевские среды», бывал на именинах Шаляпина, по пятницам приходил в дом к Давыдову — там собирался «цвет науки, литературы и искусства».

В 1907 году, когда театральная и общественная Москва чествовала великую актрису Марию Николаевну Ермолову, от Московского университета приветствовал ее Ключевский. Он говорил о тесной связи университета с Малым театром, о том, как взаимопомощь между наукой и искусством поднимает и труд, и науку, и искусство.

Общение с Ключевским обогащало людей. К нему часто обращались за консультацией писатели (среди них Лесков), художники, композиторы, актеры. Он всем терпеливо и охотно помогал. Работники же архива, куда постоянно приходил Ключевский, даже досадовали, что много времени уходит у великого ученого на эти, как они выражались, пустяки и разные мелкие справки, что ему часто мешали работать. Однако сам Ключевский не находил это «пустяками», наоборот, считал своим долгом и даже священной обязанностью помогать художникам, желающим изучать русскую историю и ищущим в ней вдохновение. «Я только не люблю, — говаривал он, — когда ко мне обращаются с вопросами специалисты: сам доходи»⁶⁷.

Широко известно о помощи Ключевского Шаляпину в создании образов Бориса Годунова и Досифея. «Поправлял» он также и готовую роль артиста Грозного в «Псковитянке» и даже немного прорежиссировал спектакль. Ключевский произвел на Шаляпина сильнейшее впечатление не только своими познаниями, но и способностью преображаться в людей прошлого. Особый эффект по признанию великого артиста производили в изображении историка диалоги между Шуйским и Борисом. Иногда Шаляпину даже казалось, что воскрес Василий Шуйский, когда Ключевский «остановится, отступит шага на два, протянет вкрадчиво ко мне — царю Борису — руку и рассудительно, сладко говорит. <...> Говорит, а сам хитрыми глазами мне в глаза смотрит, как бы прощупывает меня, какое впечатление на меня производят его слова». И уже играя с профессиональными актерами, он сожалел, что Василий Осипович не мог быть его партнером на сцене⁶⁸. Ключевский пробудил у Шаляпина интерес к русской истории, руководил его чтением, давая книги

---

⁶⁷ Готье Ю. В. В. О. Ключевский как руководитель начинающих ученых // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. С. 180; ср.: Василенко С. Н. Из воспоминаний композитора // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 552.

⁶⁸ Федор Иванович Шаляпин. Т. 1. М., 1957. С. 148, 290, 149.

из своей библиотеки, дарил по его просьбе свои труды. Много раз приходил Федор Иванович в дом историка на Житной. Существует мнение, что в шалыпинских образах Сусанина, Грозного, Годунова, Мельника, Досифея, Галицкого, Демона, Еремки и даже Галеофа сказывалось влияние исторических взглядов Ключевского.

О том, как тонко и глубоко понимал Ключевский специфику сцены, свидетельствует и его набросок, сделанный им для Малого театра в связи с постановкой там пьесы Островского «Воевода» (1909). Прежде всего Ключевский хотел знать, что театру от него нужно: выяснить ли эпоху, или показать, насколько верно драма воспроизвела эту эпоху, чтобы актеры смогли исправить недостатки драматурга. Выражаясь терминологией Станиславского, Ключевский выяснял режиссерскую «сверхзадачу». «Чего вы хотите: исторически точно воспроизвести старину или фальсифицированной стариной обличить и пристыдить современников?» Островский, замечал Ключевский, не хотел ни того, ни другого — «он подрумянивал нашу старину шекспировскими румянами, чтобы драма понравилась зрителю — и только». Поэтому Ключевский рекомендовал играть на полтона ниже, подчеркивать отрицательные и комические моменты драмы. Исполнителям ролей Самозванца и Шуйского он давал конкретные советы, на чем им следует строить роль. При этом Ключевский «не давил» своим авторитетом, а наоборот, скромно добавлял: «Я выскажу свои мысли вслух, не думая о том, какое вы сделаете из них употребление, и нисколько не огорчусь, если не сделаете никакого»⁶⁹.

Способствовал Ключевский и формированию строгого вкуса. «Не впадайте только в излишнюю сентиментальность и не придавайте слишком много сладости рисуемым вами образам», — рекомендовал он. «Вот у нас есть талантливый художник Маковский, увлекающийся древней русской жизнью. По правде сказать, я его картин видеть не могу. Разве могли существовать такие сладкие, конфетные барышни? Русская древняя жизнь была красива своеобразной суровой красотой, приторности в ней не было». Или еще одно мнение об опере Римского-Корсакова «Снегурочка»: «Там и солнечность есть, и радость, но сладости, противной сентиментальной сладости нет и следа»⁷⁰.

Выразительную мысль, высказанную им в беседе с артистом и режиссером Малого театра А. П. Ленским, записал Ключевский в дневнике: «Ленский. Невзрачная русская жизнь, прикрашенная

⁶⁹ НА ИРИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 173.

⁷⁰ Василенко С. Н. Указ. соч. С. 553.

художественной позолотой. Как человек в области искусства довольно пришлый, я говорил, что вместо того, чтобы украшать русскую мужицкую избу готическим фронтоном, не красивее ли было бы иной стильный музей опростить фасадом мужицкой избы»⁷¹.

Для понимания феномена Ключевского очень важны его «Мысли об истории». В продолжение всей своей жизни он постоянно размышлял об истории как науке и о важности ее изучения. Еще будучи первокурсником, Ключевский в 1861 году писал другу: «Без истории теперь, как и во всякое переходное время, нет спасения». «Повторяю, нам нет спасения без истории». «Ведь только во сне сознание становится вне истории, — читаем в его дневнике 1892 года, — и то лишь одно сознание, а твой грезящий аппарат остается в ее сфере, в области культуры». И он полушутя-полусерьезно показывает, что все вокруг (даже привычка держаться на улице правой стороны) — «это продукты культуры, плоды просвещения, истории». Среди его афоризмов есть размышления о причинах возникновения интереса к истории. «Почему люди так любят изучать свое прошлое, свою историю? Вероятно, потому же, почему человек, споткнувшись с разбега, любит, поднявшись, оглянуться на место своего падения». «История — что власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда же становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благодеяния»⁷².

Многokrатно говорил Ключевский о необходимости понимания взаимосвязи современности и прошедшего и советовал извлекать полезные уроки из накопленного исторического опыта, ибо «история учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение»⁷³. История, считал он, способна научить ясному взгляду на настоящее и даже предвидеть будущее. Сделанные им прогнозы и предостережения не могут не удивлять тем более, что они были высказаны задолго до революционного 1917 года.

Еще в 1898 году Ключевский записал: «Самодержавие нужно нам пока как стихийная сила, которая своей стихийностью может сдерживать другие стихийные силы, еще худшие». «Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы, что делать? Ответа нет». «Наше будущее тяжелее нашего прошлого и пустее настоящего»⁷⁴.

⁷¹ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. IX. М., 1990. С. 434.

⁷² Там же. С. 178, 300, 390.

⁷³ Там же. С. 307.

⁷⁴ Там же. С. 383–384, 417, 378.

В январе 1902 года Ключевский, по свидетельству М. Горького, говорил: «Поскольку я знаю русскую историю и историю вообще, я могу безошибочно сказать, что мы присутствуем при агонии самодержавия»⁷⁵. А в январе 1905 года (тогда наследнику российского престола было всего несколько месяцев), Ключевский буквально ошеломил присутствующих в тесном кругу людей, сказав о Николае II: «Это последний царь, Алексей царствовать не будет». Среди записей Ключевского «для себя» встречаются немало его рассуждений на эти темы. Например: «Цари со временем переведутся: это мамонты, которые могли жить лишь в допотопное время». Есть у него рассуждение о прямом вырождении царствующей династии: «Наши цари были полезны, как грозные боги, бесполезны и как огородные чучела. Вырождение авторитета с сыновей Павла. Прежние цари и царицы — дрянь, но скрывались во дворце, предоставляя эпически-набожной фантазии творить из них кумиров. Павловичи стали популярничать. Но это безопасно только для людей вроде Петра I или Екатерины II. Увидев Павловичей вблизи, народ перестал их считать богами, но не перестал бояться их за жандармов. Образы, пугавшие воображение, стали теперь пугать нервы. С Александра III, с его детей вырождение нравственное сопровождается и физическим. Варяги создали нам первую династию, варяжка испортила последнюю. Она, эта династия, не доживет до своей политической смерти, вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана»⁷⁶. В этом он видел грядущее несчастье России и ее народа, так как им грозит повторное смутное время. Напомню, что отличительной чертой Смуты Ключевский считал не пресечение династии, а то, что в нее вступают все классы русского общества, что политическая борьба, спор за образ правления, за государственное устройство превращается в социальную борьбу, в истребление высших классов низшими.

Близкие к Ключевскому люди говорили, что в частных разговорах он пессимистически высказывался о будущем. «Пессимизм Ключевского был пессимизмом очень умного и проницательного человека, а не патологическим настроением неврастеника и не брюзжанием старика»⁷⁷. О том же красноречиво говорят и его записи «для себя». Однажды Ключевский сказал о себе: «Я человек XIX века и в ваш XX век попал совершенно случайно». У него были мрачные предчувствия относительно XX века: «Впредь будут

⁷⁵ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1949–1956. Т. 28. С. 23.

⁷⁶ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. IX. С. 442, 443.

⁷⁷ Милуков П.Н. Указ. соч. С. 217.

воевать не армии, а учебники химии и лаборатории, а армии будут нужны только для того, чтобы было кого убивать по законам химии снарядами лабораторий». «Пролог XX века — пороховой завод. Эпилог — барак Красного Креста»⁷⁸. И это сказал человек, не доживший даже до Первой мировой войны!

С первых месяцев 1910 года В. О. Ключевский начал болеть, но продолжал упорно работать над завершением «Курса русской истории». В ноябре он слег. Его поместили в больницу, и там ученый продолжал работать. Говорят, что Василий Осипович работал и в день смерти, последовавшей 12 мая 1911 года в 3 часа 5 минут пополудни...

Из больницы тело умершего перенесли сначала в дом на Житной улице, где ректор Духовной академии отслужил по нему панихиду. Ученики Ключевского вынесли гроб и в сопровождении духовенства с песнопениями понесли его к Московскому университету. По дороге процессия заметно увеличивалась. В университетской церкви заупокойную литургию служили два епископа и пятнадцать священников. Очевидцы свидетельствовали, что похороны В. О. Ключевского собрали до пяти тысяч человек. Из церкви до кладбища Донского монастыря гроб несли на руках, останавливаясь в местах, связанных с работой историка, и служили краткие литии: у нового здания университета, у Румянцевского музея, у Архива на Моховой, у дома на Житной. После панихиды на кладбище в могилу В. О. Ключевского была брошена любимая им сирень. Так Москва прощалась с великим сыном России...

К 150-летию со дня рождения историка, в 1991 году, на его родине в Пензе открыт Дом-музей В. О. Ключевского и его филиал в селе Воскресеновке. В знак глубочайшего признания заслуг ученого международный центр по малым планетам (Смитсоновская астрофизическая обсерватория, США) присвоил его имя одной из планет. Отныне планета № 4560 КЛЮЧЕВСКИЙ — неотъемлемая частица Солнечной системы.

⁷⁸ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. Т. IX. С. 389, 405.